

Увлекательный остросюжетный роман от автора
мировых бестселлеров «P.S. Я люблю тебя» и «Клеймо»

Сесилия Ахерн

ИДЕАЛ

Annotation

Долгожданное продолжение бестселлера «Клеймо», дебютного романа в жанре «young adult» от автора международных бестселлеров Сесилии Ахерн.

Селестина Норт — примерная ученица, любящая дочь и сестра, девушка обаятельного Арта Кревана — в один миг разрушила свою жизнь, совершив поступок, признанный всемогущим Трибуналом порочным. Отныне она — Заклейменная, вынужденная скрываться от стражей, преследующих ее по приказу верховного судьи Кревана, отца ее любимого Арта. У Селестины есть опасная тайна, способная уничтожить и Кревана, и сам Трибунал. Ее она доверила лишь загадочному и привлекательному Кэррику, единственному, на кого она теперь может положиться. Решится ли Селестина отвергнуть свою новую любовь и обретенных в несчастье друзей ради надежды вернуться к прежней счастливой жизни?

Права на экранизацию романов «Клеймо» и «Идеал» приобретены компанией Warner Bros.

Сесилия Ахерн

Идеал

Cecelia Ahern
PERFECT

© 2017 Cecelia Ahern

Фотография автора на обложке ©Matthew Thompson Photography

© Сумм Л.Б., перевод на русский язык, 2016

© Издание на русском языке, оформление.

ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус», 2017

Издательство Иностранка®

* * *

*Ивонне Коннолли,
идеалу друга*

ИДЕАЛ: нечто совершенное, образцовое, безупречное, замечательное, лучшее в своем роде, достигшее высшего уровня. О человеке: обладающий всеми желательными или требуемыми качествами, свойствами или характеристиками; настолько хороший, насколько это возможно.

Есть тот человек, кем ты считал нужным стать, и тот, кто ты на самом деле. Но я утратила и то и другое.

Сорняк — это цветок, выросший не на месте.

Это не мои слова, это дед так говорит.

Он видит красоту во всем; точнее, все, несоответствующее условностям, оказавшееся не на своем месте, он считает самым красивым — лучше всего прочего. Я каждый день замечаю в нем эту черту: он любит старый крестьянский дом больше, чем отремонтированный флигель, варит кофе в древней железной кастрюльке на газовой плите, на живом огне, а блестящая новенькая машинка для эспрессо, которую мама подарила ему три дня рождения тому назад, так и собирает пыль, забытая на кухонной стойке. Нет, он вовсе не враг прогресса, он первый ринется в бой ради перемен, но он любит подлинное, истинную форму каждой вещи. Взять даже сорняки: он восхищается их дерзостью, как они пробиваются повсюду, хотя их никто не сажал. Это свойство дедушкиного характера и привело меня к нему в час нужды — и теперь он рискует собственной безопасностью, чтобы предоставить мне убежище.

Убежище.

Это слово звучит в приказах Трибунала: *Каждый, кто окажет помощь Селестине Норт или предоставит ей убежище, понесет суровое наказание.* Какое наказание, они не уточняют, но, зная репутацию Трибунала, можно догадаться. Дедушка, похоже, вовсе не страшится той опасности, которую навлек на себя, приютив меня на своей земле, наоборот, угрозы еще более убеждают его в том, что он обязан меня защитить.

— Сорняк — это растение, которое хочет расти там, где люди не хотят его видеть, — добавил он, наклонился и толстыми, крепкими пальцами выдернул нахала из земли.

У него руки бойца, большие, широкие как лопаты, но и нежные: эти руки умеют растить и собирать урожай с его собственной земли, обнимать и защищать дочь и внуков. Эти руки, способные задушить мужчину, — те самые руки, которые вырастили дочь, возделали эту землю. Наверное, земледельцы — самые сильные бойцы, потому что у них есть связь с чем-то глубинным и драгоценным, есть ради чего биться, есть то, что стоит спасать. У дедушки — свои сто акров, в том числе клубничные поля, где мы сейчас, их он открывает летом для всех желающих, приезжают целые семьи собирать клубнику, и на эти деньги, как говорит дед, ему удастся поддерживать хозяйство. И в этом году нельзя нарушать заведенный порядок не только из-за денег, но и потому, что Трибунал догадается: я прячусь у него. За дедом следят. Он должен делать то, что делает каждый год, а я постараюсь не думать, каково мне будет услышать голоса ребятишек, радостно рвущих ягоды, или насколько опаснее станет моя жизнь, когда в фермерскую усадьбу хлынут посторонние люди — они же запросто могут

заодно с клубникой отыскать и меня.

В детстве я любила приезжать сюда вместе с моей сестрой Джунипер, мы тоже собирали клубнику, хотя под конец дня больше ягод оказывалось в животе, чем в корзине, но теперь это место уже не кажется волшебным, как прежде. Теперь приходится полоть сорняки по-настоящему, раньше-то все была игра.

Я знаю, эти рассуждения деда о сорняках, растущих там, где им не рады, относятся ко мне, это его специальная «крестьянская терапия», но, хотя намерения у него самые лучшие, мое положение от таких слов становится чересчур очевидным:

Я — сорняк.

Пять Клейм на теле и тайное шестое — за то, что помогла Заклейменному и солгала перед Трибуналом. Мне дали понять яснее некуда: общество не хочет меня знать. Меня оторвали от родной почвы, выдернули с корнями, встряхнули и отбросили в сторону.

— Но *кто* решает, что это — сорняки? — продолжает дед, пока мы пропалываем грядки. — Не природа. *Люди* так решили. Природа *позволяет* им расти. Природа назначила им это место. Но *люди* заклеямили эту траву — мол, сорняк — и в сторону.

— Но они же душат цветы, — пробормотала я наконец, подняв глаза от земли: спина разболелась, под ногтями земля.

Дед пронзил меня взглядом из-под низко надвинутой твидовой кепки: глаза голубые, зоркие, словно у сокола.

— Они — бойцы. Они борются за свое место под солнцем и выживают.

Я — сорняк. Я буду биться и выживу. Я — Заклейменная.

Сегодня мне исполняется восемнадцать лет.

3

Человек, которым я собиралась стать: Селестина Норт, дочь Саммер и Каттера, сестра Джунипер и Эвана, невеста Арта. Я бы сдала недавно выпускные экзамены и готовилась к поступлению в университет, чтобы серьезно изучать математику.

Сегодня мне исполнилось восемнадцать.

Сегодня мы бы праздновали мой день рождения с двадцатью ближайшими друзьями и членами семьи, на яхте, принадлежащей отцу Арта, может быть, устроили бы даже фейерверк. Боско Креван обещал предоставить яхту на весь день в полное мое распоряжение — такой подарок. На борту шоколадный фонтан, все обмакивали бы в него зефир и клубнику. Я представила себе Марлену, любимую подругу, с шоколадными усами, с вечно серьезным выражением лица, и прямо-таки услышала, как ее парень, не из самых умных, грозит сунуть под шоколадную струю ту или иную часть своего тела, — Марлена закатывает глаза, я хохочу. Шуточная ссора, они всегда так, им нравится пикироваться, а потом мириться.

Папа захотел бы покрасоваться перед моими друзьями на танцполе, показал бы, как умеет подражать Майклу Джексону. Мамочка — знаменитая модель, мне видится, как она стоит на палубе в свободном летнем платье с цветочным узором, длинные светлые волосы слегка приподняты ветром, словно за ее спиной расположили идеально отлаженную машину для спецэффектов. Внешне она держится спокойно, но ее ум работает стремительно, подмечая все вокруг: и что нуждается в исправлении, и кому долить, кого не включили в разговор — щелкнет пальцами и проплывет среди гостей в своем цветочном платье и все

уладит. Мой брат Эван объелся зефиром и шоколадом и бегаёт взапуски со своим другом Майком, оба красные, потные, ухитрились допить капельку со дна пивной бутылки, придется увезти их домой пораньше, животы разболелись. А вот и моя сестра Джунипер, в уголке с подругой, смотрит во все глаза, но сама всегда держится в стороне, наблюдает с тихой и довольной улыбкой, всегда наблюдает и понимает лучше, чем все остальные.

А вот и я — конечно же танцую с Артом. Я должна быть счастлива, но что-то не то. Я смотрю на Арта — нет, он не тот, что прежде: исхудал, выглядит старше, усталый, немый, с щетиной на щеках. И он вроде бы смотрит на меня, а думает о чем-то другом. Едва-едва прикасается ко мне — эхо прикосновения — руки влажные. словно мы видимся в последний раз. Не так это должно было быть, никогда у нас так не было, у нас все было идеально, однако то, старое, я не могу теперь вызвать даже в мечтах и снах наяву. Кажется, что та пора моей жизни закончилась давным-давно. Идеал я оставила там, в далеком прошлом.

Я открываю глаза — снова у бабушки в доме. Передо мной купленный в магазине холодный яблочный пирог в фольге, в нем одинокая свечка. Есть та, кем я себя считала, — и теперь я не могу даже представить себе полностью этот идеал, врывается реальность, — и та, кем я стала сейчас на самом деле.

Эта девушка — беглянка (хотя в данный момент она застыла и смотрит на холодный яблочный пирог). Ни бабушка, ни я не притворяемся, будто это может продолжаться долго. Бабушка никогда не отворачивается от реальности, никаких фокусов с зеркалами и дымом. Он печально глядит на меня. Ходить вокруг да около он не станет. Теперь все слишком серьезно. Мы каждый день обсуждаем план, и каждый день план меняется. Я сбежала из дома, сбежала от приставленной ко мне стражницы Мэри Мэй — она служит в Трибунале, и ее работа в том и состоит, чтобы следить за каждым моим шагом, как я соблюдаю правила для Заклейменных. Я ускользнула от радара. Официально я объявлена в розыск, и чем дольше пробуду здесь, тем больше вероятность, что меня обнаружат.

Две недели назад мама велела мне бежать, у меня до сих пор мурашки бегут по коже, как вспомню ее настойчивый шепот. Глава Трибунала, Боско Креван, ворвался в наш дом и потребовал, чтобы родители выдали меня. Боско — отец моего парня, бывшего парня, мы десять лет прожили по соседству. Месяца не прошло с тех пор, как мы сидели за столом в нашем доме. А теперь мама предпочитает, чтобы я пряталась, лишь бы не попала вновь ему в руки.

Дружба строится всю жизнь — врага можно нажать за секунду.

Только одну важную вещь я прихватила с собой, убегая: записку, что сунула мне моя сестра Джунипер. Записку от Кэррика, он сидел в соседней камере в замке Хайленд, где располагается Трибунал, он присутствовал у меня на суде, пока ждал своего, он видел, как меня клеймили, — *все* видел, в том числе тайное шестое Клеймо на позвоночнике. Единственный человек, кто в состоянии понять, каково мне сейчас, потому что прошел через все это сам.

Мне ужасно хочется найти Кэррика, но пока не получалось — он сумел удрать от своего стража, едва его выпустили из замка, и я понимаю, что ему непросто связаться со мной, когда меня ищут. Он успел найти меня перед тем, как я залегла на дно, — спас из месива в супермаркете, доставил домой (я отключилась, долгожданная наша встреча прошла не совсем так, как я надеялась). Оставил записку и исчез.

Но теперь я не могу связаться с ним. Нельзя было оставаться в городе, меня узнавали в лицо. Я позвонила деду. Я понимала, что к нему на ферму стражи явятся в первую очередь,

что мне следует искать другое, более надежное убежище, но по крайней мере на этой земле дед — господин.

Или так мы думали в тот момент. Едва ли он или я догадывались, как упорно стражи будут меня искать. С тех пор как я тут, на ферме, обыски не прекращались. Пока им не удалось обнаружить мое убежище, но они возвращаются снова и снова, скоро удача изменит мне, это я понимаю.

Всякий раз стражи подбираются к убежищу так близко, что я перестаю дышать. Я слышу их шаги, даже дыхание, а я лежу, скорчившись, зажатая, в какой-то щели над их головами или под ногами, иногда в таком очевидном месте, что им в голову не приходит туда посмотреть, иногда в таком опасном, что они не решаются лезть.

Сморгнув, я отгоняю эти мысли.

Смотрю на одинокий огонек, мерцающий на холодном яблочном пироге.

— Загадывай желание, — говорит дедушка.

Я закрываю глаза и думаю изо всех сил. Слишком много желаний, и все они теперь неосуществимы. Но я убеждена: если у человека вообще нет желаний, значит, он либо совершенно счастлив — либо сдался.

Счастливой я себя никак не могу назвать. И сдаваться не собираюсь.

И, хотя я не верю в магию, я считаю, нужно загадывать желания, это символ надежды, жест доверия к собственной воле, указание на цель. Может быть, если сказать вслух, чего ты хочешь, оно станет реальным — наметишь свой путь, легче будет его пройти. Давай, собери в точку позитивные мысли: думай о том, чего хочешь, загадай желание, а потом постарайся его осуществить.

Я задуваю огонек.

Едва я открыла глаза, как в прихожей послышались шаги.

Дахи, верный управляющий деда, появился в дверях кухни:

— Стражи явились. Быстрее!

Дед вскочил из-за стола так проворно, что стул упал на каменный пол. Никто не стал его поднимать. К визиту стражей на этот раз мы оказались не готовы. Накануне они уже обыскали всю ферму вдоль и поперек, казалось, уж сегодня-то нас оставят в покое. И почему на этот раз не выли, как обычно, сирены? От их воя замирает каждая душа в каждом доме; когда они проносятся мимо, счастливики могут потом рубашки на себе отжимать — какое облегчение!

Не обменявшись ни словом, мы выскользнули из дома. Инстинктивно мы понимали, что прятать меня внутри больше нельзя. Свернули направо, в сторону от подъездной дорожки, обрамленной вишнями в цвету. Я не знала, куда мы бежим, — главное, как можно дальше уйти от главного входа.

На ходу Дахи отрывисто сообщил:

— Арлин увидела их с башни. Позвонила мне. Без сирен. Застали врасплох.

Полуразрушенная нормандская башня служит теперь дозорной вышкой — оттуда дедовы помощники высматривают стражей. С тех пор как я тут, кто-нибудь обязательно дежурит и днем и ночью, работники сменяют друг друга.

— Они точно сюда? — спросил дед, оглядываясь во все стороны, поспешно соображая. Планируя. Но, увы, я почувяла панику в его жестах. Никогда раньше не замечала у деда страха.

Дахи кивнул.

Я побежала быстрее, чтобы не отстать.

— Куда мы?

Оба молчат. Дед все так же оглядывается, стремительно проносясь по своей земле. Дахи присматривается к деду, пытается разгадать его мысли. При виде их растерянности мне становится очень страшно. Чувствую, как колет под ложечкой, как частит сердце. Мы бежим со всех ног в дальний конец фермы не потому, что у деда есть план, а потому, что плана *нет*. Он пытается выиграть время, что-то придумать.

Сквозь поля, мимо клубничных грядок, где мы только что трудились.

Стражи все ближе. Раньше на обыск приезжала только одна машина, а теперь, кажется, их больше. И шум двигателей громче, видимо, вместо легковых автомобилей прислали минивэны. В легковом два стража, в минивэне — четверо. Сколько машин я слышу? Три? Может быть, двенадцать стражей.

Меня затрясло. Это будет обыск по полной программе, и теперь уж меня найдут непременно: я в ловушке. Втянула в себя побольше свежего воздуха: свобода ускользает от меня. Что они со мной сделают, я не знала, но не так давно я заработала Клейма, красные буквы «П» выжжены у меня в шести местах. Совсем не хотелось выяснять, на что еще способны стражи.

Дахи глянул на деда:

— В овин?

— Они там пошарят.

Они смотрят куда-то вдаль, словно ждут ответа от самой земли.

От земли.

— Яма! — вырвалось у меня.

Дахи замялся:

— Не думаю, что это ...

— Сойдет! — решительно заявил дед и двинулся к яме.

Сама же я и вспомнила про яму, но при мысли залезть туда меня пробирает дрожь. Голова кружится, я чуть не плачу. Дахи пропустил меня вперед, и я увидела на его лице сочувствие и грусть. Я увидела, что мысленно он уже прощается с мной.

Мы дошли вслед за дедом до росчисти поблизости от леса, в который упираются его земли. Сегодня утром они с Дахи рыли тут яму, а я лежала на земле рядом с ними и лениво вертела в руках одуванчик, смотрела, как медленно облетает на ветру пух.

— Словно могилу роете, — посмеялась я.

И не думала, что мои слова могут обернуться пророчеством.

Земляная печь, объяснял дед, — это самое простое и древнее приспособление для готовки. По сути дела — яма в земле, она удерживает тепло, и в ней можно печь, коптить, готовить на пару. Чтобы запечь еду, сначала нужно дать огню прогореть, потом в яму кладут еду и накрывают. Засыпают землей все — картошку, тыквы, мясо, что захочешь, — и на

целый день оставляют готовиться. Дед выполняет этот ритуал каждый год вместе со своими работниками, но обычно это делают после сбора урожая, а не в мае. На этот раз он решил устроить праздник для «сплочения команды» — нам всем нужно воспрянуть духом, поверить друг в друга. Все работники деда — Заклейменные, и сейчас, когда то и дело являются с обысками стражи, когда за работниками пристальнее обычного следит Трибунал, он думает, людям нужна моральная поддержка.

Я не знала, что дед берет на работу Заклейменных, не знала, пока не добралась до его фермы две недели тому назад. Раньше, когда мы приезжали в гости, я не встречала никого из работников, родители никогда о них не упоминали. Может быть, им не велено было показываться на глаза — или они занимались обычными своими делами и оставались для меня невидимками, как большинство Заклейменных, пока я сама не стала одной из них.

Теперь я понимаю, что и это вбивало клин между мамой и дедом: ей не нравилось, что он критикует Трибунал, назначенный правительством высший суд, который выносит людям приговор за поступки, несовместимые с моралью. Тогда нам казалось, что дед тешится теориями заговора, ворчит насчет того, на что, мол, он платит налоги. А он, оказывается, был прав. И еще я вижу, что дед был для мамы чем-то вроде маленькой, но неприятной тайны: она, знаменитая модель, должна была изображать идеал, по крайней мере для всех окружающих, ее успех не допускал ни пятнышка на репутации. А болтливый отец, да еще сторонник Заклейменных, представлял угрозу для ее безупречного имиджа. Теперь я это понимаю.

Некоторые работодатели относятся к Заклейменным словно к рабам. Длинный рабочий день, минимальная зарплата, и считайте, что вам повезло. Иные Заклейменные готовы работать даже за еду и крышу над головой. В большинстве своем это люди образованные, даже известные, и они не преступники, они приняли неверное решение — их поступки общество не одобрило, — и за это они заклеены. И вдобавок организованное публичное поругание. Судьи Трибунала любят называть себя «ревнителями идеала».

Дахи был школьным учителем. Попался — заснят школьной камерой, — когда слишком грубо схватил расшалившегося ученика.

И еще я теперь знаю, что донос в Трибунал — это оружие, которое многие люди пускают в ход, устраняя конкуренцию, расчищая себе дорогу или ради мести. Злоупотребляют системой. Трибунал открыл путь всякого рода оппортунистам и охотникам за головами.

Я нарушила фундаментальное правило: нельзя помогать Заклейменным. За нарушение этого правила обычно полагается тюремный срок, но меня в итоге сочли тоже достойной Клейма. Перед судом Боско пытался мне помочь. Он велел солгать и сказать, что я вовсе не хотела помогать этому старику. Но я так и не сумела солгать, я во всем в итоге призналась. Я заявила суду: Заклейменный — тоже человек, нуждающийся в помощи, имеющий на нее право. Этим я поставила в неловкое положение Кревана, превратила его суд в пародию — так, во всяком случае, он решил.

Поначалу ведь я солгала. Обманывала Трибунал, привлекла к себе внимание, а потом взяла и призналась публично. Пришлось на моем примере проучить всех. Теперь я понимала: Клейма я получила главным образом за то, что пыталась провести Трибунал, за то, что поставила судей в неловкое положение и даже сделала так, что люди могли усомниться в их безупречности.

Могущество Трибунала во многом зависит от СМИ. Они работают рука об руку,

Трибунал снабжает СМИ сюжетами, СМИ поддерживает Трибунал и скармливает эти сюжеты публике. Нам твердят: судьи всегда правы, Заклейменные всегда плохи. Суть затуманивается, другую сторону никто не выслушивает, голос разума заглушается сиреной стражей.

Среди прочих запретов в длинном списке есть и такой: Заклейменные не могут занимать никакие начальственные должности на работе или такие, на которых они могли бы влиять на людей. Теоретически им открыты другие вакансии, без подчиненных, но обычно Заклейменных дискриминируют на любой работе. Но дед не из таких работодателей. Он специально подыскивает работников из числа Заклейменных и обращается с ними точно так же, как с другими людьми.

Дахи здесь дольше всех, тридцать лет уже. На виске у него уродливый шрам — память о неправильном решении схватить школьника. Это Клеймо он получил до того, как Трибунал обустроил специальную камеру Клеймения и инструменты стали тоньше и точнее. Но и этот шрам не так страшен, как мое шестое Клеймо на позвоночнике, тайное, которое поставил мне судья Крewan собственноручно — не как судья, а по злобе, неумелой рукой, без анестезии. Мерзкий красный рубец.

Дахи снова принял неверное решение — вот прямо сейчас, когда помогает деду меня прятать. Дед может отделаться минимальным сроком в полгода за помощь Заклейменной, но мне страшно даже подумать, какое наказание ждет Заклейменного за помощь собрату. Когда тебе ставят Клеймо, кажется, ничего страшнее уже быть не может — но погоди, Трибунал может взяться за твоих близких и через них причинить тебе еще больше боли.

Мы остановились и заглянули в прямоугольную яму. Слышно было, как хлопают двери, множество дверей, мне представилось, как носятся по дому и пристройкам стражи в красной униформе и черных сапогах. Минута-другая, и они будут здесь. Я залезла в яму.

— Засыпайте! — велела я.

Дед замер, но Дахи взялся за простыню, подтащил ее.

Дед погубит меня своими сомнениями.

Все, простыня уже лежит на мне, теперь сверху сыплют дерево и мох, который я нарвала утром в лесу. Мало того что я вырыла себе могилу: я и о гробе позаботилась.

Шаги все ближе.

— Нужно срочно связаться с Кэрриком, — негромко говорит дед, и я молча соглашаюсь с ним.

Слышно, как чавкают подошвы сапог.

— Корнелиус! — произносит где-то рядом Мэри Мэй.

Сердце в горле. Все в ней меня пугает: бессердечная женщина сдала Трибуналу всю свою семью, разоблачила неэтичные практики в семейном бизнесе — отомстила за то, что сестра увела у нее парня. Она всякий раз участвовала в обыске фермы, но сегодня привела с собой, кажется, целую армию. Двенадцать человек по меньшей мере.

— Мэри Мэй, — бурчит в ответ дедушка. — Что, у сирен аккумуляторы сели?

Очередная хворостина падает на меня — с силой. Специально бросили, чтобы отвести подозрение. Прямо на брюхо, я чуть не взвыла.

Мэри Мэй не склонна шутить, болтать и даже пререкаться.

— Это что? — спросила она.

— Земляная печь, — ответил дед.

Оба стоят надо мной, слева от ямы. С другой стороны сыплются новые поленья, значит,

Дахи пока еще тоже здесь.

— То есть?

— Вы не знаете, что такое земляная печь? Я-то думал, деревенская девочка с золотых лугов должна все про это знать.

— Нет, не знаю, — режет она слова. Недовольна, что деду известно ее прошлое. А дед это с радостью проделывает, дразнит ее, показывает, что она тоже у всех на виду. Легко так, весело, но в подтексте есть и угроза.

— Ну, я копаю яму, кладу на дно брезент, сверху дрова. Поджигая. Когда прогорит до углей, кладу туда продукты и засыпаю землей. За сутки еда приготовится в той самой земле, из которой она выросла. Нет ничего вкуснее, никакая другая еда не сравнится. Меня научил отец, а его — дед.

— Интересное совпадение, — говорит Мэри Мэй. — Выкопали яму как раз перед тем, как мы приехали. Может, вы там что-то прячете?

— Тоже мне совпадение! Я вас сегодня и не ждал. А праздник мы устраиваем каждый год, любого работника спросите. Верно, Дахи?

Снова дрова и мох сыплются на меня. Ох!

— Верно, хозяин, — подтверждает Дахи.

— Думаете, я поверю Заклейменному?

Ее голос полон отвращения от одной мысли, что придется заговорить с таким. Затяжное молчание. Я стараюсь дышать. Брезент не натягивали плотно, воздух из щелей поступает, но недостаточно. Идиотская была мысль спрятаться тут — *моя* идиотская мысль. Теперь-то я жалею, что такое придумала. Могла удрать в лес — глядишь, Мэри Мэй заблудилась бы там, и мы бы до конца жизни играли там в прятки.

Мэри Мэй медленно обходит яму. Видит ли она очертания моего тела? Или не видит? Сейчас велит сбросить все эти дрова и мох и обнаружит меня. Дышать, дышать, слишком уже много навалили дров, хоть бы остановились.

— Дрова на растопку, значит? — уточнила она.

— Да, — подтвердил дед.

— Поджигайте, — приказала она.

6

— Что? — переспросил дед.

— Вы меня слышали.

Я накрыта белым брезентом. На нем — дрова и мох. Вдруг вся куча сдвинулась, лист брезента, который был слегка отвернут, оставляя меня щелку для воздуха, плотно прилип к телу. Я попыталась его раздвинуть, но не хватило сил. А Мэри Мэй еще и поджечь хочет. Догадалась, что я здесь. Угодила я, словно мышь в мышеловку.

Дед попытался ее отговорить. Рано еще поджигать, продукты не готовы, сначала нужно их завернуть. На это понадобится время. Ничего, говорит она, времени у нее сколько угодно. Пусть дед готовит еду, распорядилась она, однако ее вовсе не еда интересует: она твердо решила меня подпалить. Велела деду заняться костром. Она его не спрашивает — она приказывает. Ей известно, что угощаться тут некому, кроме кучки Заклейменных, а с их планами она считается не должна.

Это произойдет прямо *сейчас*.

Теперь дрова падают мне на ноги. Дедушка тянет время, болтает, дурачится, разыгрывает из себя вздорного старика.

— Туда еще, — велит Мэри Мэй.

Прямо на грудь.

Не могу дышать. Не могу дышать! Я прикрыла глаза и попыталась в воображении перенестись вновь на яхту. Мой день рождения, шоколадное фондю, музыка, бриз, та, какой я должна была стать, не та, которой я стала. Перенестись мыслями подальше отсюда — но исчезнуть не удастся. Я здесь и теперь. Сверху навалены дрова, кончается воздух.

Мэри Мэй торопит. Если меня поймают, то и деда накажут. Я делаю медленные глубокие вздохи, чтобы не пошевелить брезент и дрова.

— У меня есть зажигалка, — говорит Мэри Мэй.

Дедушка смеется. Громко, от души хохочет.

— Нет, это не годится. Инструменты у меня в сарае. Оставайтесь тут с Дахи, я скоро вернусь.

Он специально так говорит. Как будто притворяется, как будто врет. Умный у меня дедушка. Она подумала, он что-то пытается от нее скрыть, там в сарае есть что-то или кто-то, чего она не должна видеть. Уж очень он настаивает, чтобы она оставалась пока с Дахи, и конечно же Мэри Мэй забывает на время о яме, настаивает: нет, она тоже пойдет в сарай. Сейчас она уйдет, а Дахи поможет мне выбраться, скинет часть дров.

Но нет, она зовет стражей и отправляет их с Дахи собрать всех Заклейменных сюда, к яме.

Ей непременно надо сжечь меня у всех на глазах.

Как только их шаги замерли вдали и голоса затихли, я попыталась вынырнуть и глотнуть воздуха. Страшась, что это был лишь трюк и Мэри Мэй так и стоит у ямы и с ней еще куча стражей, я кое-как вывернулась из-под брезента и дров. Оказалось труднее, чем я думала: тяжелая куча, щедро дедушка навалил.

Я уже не беспокоилась насчет ловушки, главное — не задохнуться, я отчаянно забрыкалась, дрова полетели во все стороны. А теперь еще руками — пусть деревяшки летят вверх и в стороны. Иногда они падали мне на ноги, больно! Я сорвала с лица брезент, воздух коснулся лица, я жадно принялась его глотать. Вылезла из могилы и опрометью кинулась в лес. Там, на краю усадьбы, на границе с сулящей безопасностью темнотой, я оглянулась: я оставила после себя дикий беспорядок. Сразу станет очевидно, что дед укрывал меня и увел Мэри Мэй, чтобы дать мне сбежать. За мою небрежность накажут его. И они поймут, где я пряталась, и быстро отыщут меня. Невозможно спрятаться в лесу от десятка стражей.

В отдалении послышались голоса деда и Мэри Мэй, они возвращались от сарая. Дед говорил громко, наверное, специально, чтобы предупредить меня. Один взгляд на яму — один взгляд на лес, где можно было бы спастись. Выбора нет.

Бегом обратно к яме, уложила на место брезент, дрова и мох — как могла аккуратнее, — слышала их шаги, все ближе и ближе. Сердце билось отчаянно, вена пульсировала в шее и в голове. Мне казалось, мои движения замедленны, как в страшном сне, вот если бы

проснуться! Но это несон, все происходит на самом деле. Мелькнуло красное — форма Мэри Мэй, — и снова я бросилась бежать. Только успела укрыться за первым же деревом на краю леса, как они оба вышли к яме. Конечно же они заметили меня. В ужасе я прижалась всем телом к стволу, сердце грохотало, вздымалась грудь.

— Не понимаю, почему нельзя было просто воспользоваться зажигалкой, — ворчала Мэри Мэй. Недовольна, что в сарае меня не оказалось.

Дед рассмеялся, издевкой стараясь еще больше ее разозлить:

— Нет-нет. Все должно быть аутентично. Это древняя традиция, ей тысячи лет. Если уж вы заставляете меня сделать это раньше, чем я планировал, по крайней мере разжигать печь я буду как полагается.

Голос его звучит сурово и непреклонно, а я-то знаю, что все это неправда. Хотя он действительно предпочитает подлинные вещи, но дрова вполне мог разжечь спичками или даже зажигалкой. Он увел Мэри Мэй в сарай, чтобы я могла убежать.

Он принимается высекать искру кремнем и ножом. Я тысячу раз видела, как дедушка это делает, он за секунду может разжечь костер, но сейчас он все время промахивается, изображает неуклюжего старика. Тянет время — то ли знает, что я убежала, и хочет, чтобы я успела получше спрятаться, то ли боится, что я так и лежу под этой грудой дров, и не решается поджечь. Крикнуть бы ему, что все в порядке, меня в той яме нет, но крикнуть нельзя, приходится слушать, как он возится с кремнем. Издали мне удалось разглядеть его лицо: он явно уже не так уверен в себе, как раньше.

— Ну что, Корнелиус? — подначивает Мэри Мэй. — Бойтесь поджечь?

Дедушка растерян. В смятении. Ему плохо.

Вернулся Дахи и с ним еще стражи. Не такой уж большой отряд — всего двое мужчин и одна женщина, привели с собой восемь работников — Заклейменных. Работники выглядят испуганными, похоже, Дахи объяснил им, что сейчас произойдет.

— Его бумаги в порядке, и у остальных тоже, — доложила Мэри Мэй женщина-страж.

— Да, со вчерашнего дня, когда вы их проверяли, ничего не изменилось, — съехидничал дед. — И когда вы проверяли их два дня назад, и четыре дня назад, и семь дней назад. Знаете, я мог бы пожаловаться в полицию — вы меня запугиваете.

— А мы могли бы арестовать вас за помощь Заклейменным, — возразил страж.

— На каком основании? — спросил дед.

— Хотя бы на том, что вы берете на работу только Заклейменных. Еще и селите их у себя.

— Это вполне законно.

— Вы выходите за рамки законного. Обычно Заклейменным платят по минимуму, а ваши работники получают гораздо больше. Иногда даже больше, чем стражи.

— Что скажете? — подхватил страж, а Мэри Мэй пока что молчала. — Хорошо устроились у старика? Думаете обойти нас?

Дахи хватается ума промолчать.

— Я за ними слежу, — вмешивается Дэн, страж, присматривающий за работниками деда. Это его ответственность: говоря, что работникам тут потакают, коллега бросает тень на него.

— Зажигай, — говорит Мэри Мэй, кладя конец спору.

Огонь наконец вспыхнул. У костра собралось столько стражей, что я боюсь перемещаться, как бы меня не заметили. Под ногами в лесу ветки, сучья, листья, любой звук

может выдать.

Дед подпалил мох, и я со страхом подумала, что он не справится, откажется продолжать игру, и тогда меня быстро отыщут. *Верь в меня, дед: я твоя, плоть от плоти, — уж я-то, поверь, сумела уйти.*

— Что ты здесь прячешь, старик? Селестину? Она тут, под дровами? Не переживай, мы ее выкурим, — насмехалась Мэри Мэй.

— Я же сказал, ее тут нет, — резко ответил дед.

Мох быстро вспыхнул, огонь побежал по веткам, по поленьям. Дахи глядел на деда, повесив голову, дед и стражи следили, как распространяется огонь, ждали моих воплей. Я смотрела на них из лесу, понимая: они думают, я там, вон какие злорадные и подлые у стражей морды. И я преисполнилась такой ненависти к ним, что если и думала раньше сдаться, добровольно лишиться свободы, то теперь все! Я не сдамся, не допущу, чтобы победа осталась за ними.

— Что теперь? — разочарованно спросил страж: цирк не состоялся.

— Ну ... — Дед прокашлялся, стараясь держаться как можно спокойнее, хотя я видела, как ему плохо: он не знал, подпалил он родную внучку или все же нет. А вдруг я вырубилась от нехватки воздуха и так и лежу там?

Огонь расползлся.

— Ждем, пока прогорит до углей, потом кладем еду и засыпаем землей.

— Так и сделай.

Дед глянул на Мэри Мэй с ненавистью — он растерян, постарел на глазах, утратил надежду.

— Пройдет несколько часов, прежде чем прогорит до углей.

— Времени у нас достаточно, — возразила она.

8

Они торчат здесь уже три часа.

У меня затекли мышцы, ноют стопы, но я боюсь пошевелиться.

Когда костер прогорел до углей, дед и Дахи принесли продукты, разложили в яме. Работники, выстроенные аккуратно в ряд, смотрят на все это, у каждого повязка с буквой «П» на правой руке чуть повыше локтя.

Еда из земляной печи — праздник, мы хотели собраться все вместе, доказать себе, что Трибунал не возьмет над нами верх. А теперь на ферме кишат стражи. Я прячусь за деревом, съежилась на земле, обхватила руками ноги, трясусь от лесной сырости и вовсе не чувствую себя победительницей. Наоборот, мне кажется, что поражение близко.

Дед и Дахи засыпали еду землей, пусть печется под слоем почвы в самом жару. Закончив, дед снова стоит на краю ямы и смотрит в нее так, словно заживо меня там похоронил. И вновь меня обуяло желание крикнуть ему: я жива, я успела удрать — но нельзя.

Зазвонил телефон, женщина-страж ответила. Отошла в сторону, подальше от коллег, чтобы поговорить без посторонних ушей. Вот она уже входит в лес возле меня. Я вся сжалась.

— Да, судья Крewan. Это Кейт. Нет, судья, Селестины здесь нет. Мы все проверили.

В молчании она выслушивает инструкции, голос Крewanа из трубки доносится до меня

даже там, где я прячусь.

Кейт продолжает шагать и останавливается возле моего дерева.

Я вжимаюсь в ствол, закрываю глаза, перестаю дышать.

— Прошу прощения, судья, но мы на ферме уже в шестой раз и, мне кажется, Мэри Мэй ищет ее со всей тщательностью. Мы заглянули в каждую щель. Думаю, ее здесь нет. Видимо, ее дед говорит правду.

Я слышу разочарование в ее голосе. На всех давят, требуют найти меня, судья Крewan с них не слезает. Кейт сделала еще несколько шагов и оказалась прямо передо мной.

Она озирается неторопливо, взгляд ее направлен в глубь леса.

А потом она посмотрела на меня в упор.

9

Я думала, сейчас она сообщит Крewanу о находке, позовет стражей, подует в большой красный свисток, что свисает с ее шеи на золотой цепочке, но женщина совершенно спокойна, интонации ее не изменились. Она смотрит сквозь меня, будто не видит. Что это значит? Или я так долго пряталась, что сделалась невидимой? Я невольно глянула вниз, на руки, проверяя, вижу ли я сама себя.

— Вы хотите, чтобы мы доставили ее деда в Хайленд-касл? — произнесла Кейт, оглядывая меня с ног до головы и продолжая разговор, словно меня тут не было. Почему она не сказала, что уже нашла меня?

При известии, что деда повезут в замок, к тому человеку, кто собственноручно заклеил меня, уничтожил, меня охватила паника. И тут же окатило гневом. Как они смеют — дедушку!

— Выезжаем, — сказала Кейт, не сводя с меня глаз, а я все ждала взрыва, ждала, как она скажет Мэри Мэй и судье Крewanу, что вот же она я, перед ней. — Через два часа прибудем.

Я готова была заорать на нее, ударить, пнуть ногой, вопить, что она никого не заберет, ни меня, ни деда, но я сдержалась: очень уж странно она смотрела на меня.

Кейт сунула телефон в карман, долго, внимательно смотрела на меня, словно прикидывала, что сказать, потом передумала, повернулась и ушла.

— Так, старик! — крикнула она деду. — Забираем вас с собой. Судья Крewan хочет с вами поговорить.

Но и после того как грохот их машин затих вдаль, я оставалась там, где была, вжималась в сырой и кривой прогнивший ствол, пытаюсь понять, что это было.

Почему она не схватила меня?

10

Прошел час с той минуты, как Мэри Мэй уехала и увезла с собой дедулю, словно какого-то злодея. А я все прячусь за деревом, измученная, голодная, замерзшая, напуганная до смерти. От ямы поднимался дым, там, под землей, готовилось угощение, которое, вероятно, никто теперь не будет есть, раз дедушку увезли. Я чувствовала себя страшно виноватой из-за того, что его подставила, и с ужасом думала о том, как с ним обойдутся в замке Хайленд.

А еще меня страшила мысль о его переживаниях. Не думает ли он, что я была там, что он сжег меня заживо? Найти бы способ сообщить ему, что я успела спастись.

Когда стражи уехали, я поначалу не решалась тронуться с места, думала, вдруг это проверка, ловушка, стоит мне выйти из лесу, и меня зацапают. Потом я еще подождала, думая, не придут ли за мной работники, но они не пришли, их уже запер по домам страж Дэн: 11 часов вечера, наступил комендантский час, когда бдительность усиливается и Заклейменным не разрешено появляться за пределами их жилья. Не самый подходящий момент и для меня рыскать в ночи, но хотя бы тьма прикроет меня. Я подумала: возвращаться в дом — самоубийство, хотя там тепло и свет так приветно горит на крыльце.

Может быть, я сумею добраться до соседей. Но могу ли я довериться им? Что дед мне говорил? Первое правило: *не доверяй никому*.

Вдруг послышался шум колес. Хлопнула дверца. Еще две. Они вернулись. Какая же я дура! Почему до сих пор не убежала? Дождалась, чтобы они вернулись и схватили меня!

Шаги поблизости. Мужские голоса, незнакомые, а потом тот, который я сразу узнала.

— Вот яма, — говорит Дахи. — Она была тут.

Можно ли доверять Дахи? Или это он и вызвал стражей? Выдал меня, или его заставили помогать очередной команде стражей? Я не знаю уже, кому верить. Мне холодно, мне страшно, мне остается либо выскочить и крикнуть «Помогите» — и тем самым испортить все, лишиться последнего шанса, — либо сидеть тихо. Сидеть тихо. Сидеть тихо.

— Должно быть, она убежала в лес, — другой мужской голос.

Луч фонаря мечется передо мной, освещая лес, кажется, на сотни миль вокруг. Высокие толстые стволы проступают со всех сторон. Даже если я сейчас брошусь бежать и стражи ничего не заметят, я тут же заблужусь.

Все пропало, Селестина, все пропало.

И хотя я твержу себе «Все пропало», я не сдаюсь: я вижу перед собой лицо Кревана, как он орал на меня в камере Клеймения, требуя, чтобы я покаялась, я вижу распластанную на стеклянной перегородке ладонь Кэррика — он видит, что со мной делают, он обещает мне свою дружбу. Гнев палил меня. Рядом послышались шаги, и я развернулась из скорченного своего положения, вытянула руки, ноги и на раз-два выскочила из дупла, катапультировалась в лес, распугав всю живность вокруг, понеслась на отсиженных, несгибающихся ногах.

Тут же рванули за мной и мужчины.

— Вот!

Луч фонаря мечется, отыскивая меня, — я уклоняюсь и сама использую этот свет, он помогает разглядеть дорогу впереди, разминуться с длинными, тонкими сосновыми уголками, я петляю, ныряю, слышу, как настигает погоня.

— Селестина! — сердито шипит голос за спиной, все ближе. Я знай бегу. Ударилась головой о низко растущую ветку, на миг закружилась голова, но некогда останавливаться, приходиться в себя. Догоняют, их трое — три луча фонарей мечутся неистово на бегу.

— Селестина! — громче зовет один, но второй цыкает на него.

Почему они боятся шуметь? Голова плывет, кажется, ветка рассекла кожу, знаю одно: бежать, бежать не останавливаясь. Так мама велела. Дедушка сказал, не доверять никому. Папа сказал, слушаться дедушку. Бежать не останавливаясь.

Фонари внезапно отключаются, теперь я бегу в крошечной тьме. Замираю, не слышу ничего, кроме собственного громкого дыхания. Уже не знаю, куда — вперед, а куда — назад, сбилась в густом лесу. Вновь меня охватывает паника, но мне удается взять себя в руки.

Закрываю глаза, пусть меня окутает покой. Я справлюсь. Оборачиваюсь, пытаюсь различить вдали свет дедушкиного дома или какие-то другие приметы. И тут ветка громко трещит под ногой.

Тут же сильные руки хватают меня, пахнет потом.

— Поймал! — Мужской голос.

Я пытаюсь вырваться, но тщетно — тело зажато. Но все же пытаюсь, извиваюсь как могу, вдруг этот гад устанет меня держать. Бью его, царапаю, пинаюсь.

Включается фонарь, свет бьет прямо в лицо. Мы оба, этот мужчина и я, отворачиваемся от белого луча.

— Отпусти ее, Леннокс, — велит тот, с фонарем, и я тут же прекращаю борьбу.

Руки, державшие меня, разжимаются, фонарь переходит к Дахи, и он поднимает фонарь, освещая командира.

Командир улыбается.

Это Кэррик.

11

Меня так и распирает от волнения, когда я по пятам за Дахи возвращаюсь на ферму. Кэррик и его друг Леннокс идут сзади. Мне все хочется обернуться и посмотреть на Кэррика, но при Ленноксе не могу. Я уже два раза оборачивалась, и он оба раза это подмечал. Все вместе — и нервы, и радость, и почему-то голова идет кругом от встречи с Кэрриком. Наконец-то хоть что-то вышло по-моему. Сбылось загаданное на день рождения желание.

Я прикусываю губу, чтобы сдержать улыбку, пока мы шагаем гуськом на ферму, — чего уж тут улыбаться, они не поймут, как я счастлива, а положение у нас не из легких.

— О дедушке что-нибудь слышно? — негромко спросила я Дахи.

— Нет, — ответил он, обернувшись на миг, я успела заметить тревогу у него на лице. — Но Дэн старается разузнать.

Я не готова доверять Дэну, стражу, отвечающему за дедушкиных работников. Его соглашение с дедом — не давить на работников — основывалось не на человеческой порядочности, а на пристрастии к выпивке, которое дед утолял домашним самогоном.

— Ты мне сообщишь, как только что-то узнаешь? — попросила я Дахи.

— Тебе первой, — пообещал он.

— И сумеешь передать деду, что я в безопасности?

Дэн не знал, что я прячусь на ферме, — не настолько уж надежны были его отношения с дедом, — так что и передать весточку от меня через него нельзя. Может быть, стражница Кейт успокоила деда, но я не могла полагаться на служительницу Трибунала, пусть даже она почему-то позволила мне уйти. Я ухватила Дахи за руку, прося остановиться, вцепилась в повязку Заклейменного повыше локтя. Позади меня остановились Леннокс и Кэррик.

— Дахи, свяжись с моей семьей! Скажи им, что деда увезли в замок. И что со мной все в порядке.

— Они уже знают, что он в замке, но говорить о тебе по телефону слишком рискованно, Селестина. Трибунал может прослушивать линию.

Нельзя сказать, чтобы служители Трибунала так уж изоцрялись в шпионаже, но если мы с Джунипер в детстве придумали, как подслушивать телефонные разговоры соседей с

помощью детского монитора, а журналисты умеют устанавливать жучки на телефоны, то и Трибунал справится.

— Найди способ. И придумай, как дедушке тоже передать, что я спаслась.

— Селестина ...

— Нет, Дахи, послушай! — Я заговорила погромче, и сама услышала, как дрожит мой голос. — Нельзя допустить, чтобы дедушка сидел в камере, или куда они его засунули, и думал, что сжег внучку заживо. — Голос изменяет мне. — Ты должен как-то ему сообщить.

Дахи наконец понял, что со мной, и смягчился:

— Конечно. Я найду способ и дам ему знать.

Я отпустила его руку.

— Он выдержит, Селестина, ты же знаешь, он крепкий, — добавил Дахи. — Они и сами поспешат от него избавиться, не то он заговорит их до смерти со своими теориями заговора.

Я слабо улыбнулась над его шуткой и кивнула, благодаря. Постаралась подавить подступающие слезы, не перебирать страшные картины, которые мой разум с готовностью подсовывал мне: вот дед идет по мощеному двору Хайленд-касла и все на него смотрят и выкрикивают ругательства, словно он грязь у них под ногами, плюют в него, бросают гнилыми помидорами, а он вопреки всему пытается высоко держать голову. Дед в камере. Дед отвечает Крewanу перед Трибуналом. Дед в камере Клейменения. Дед проходит через все, через что пришлось пройти мне. Когда это с тобой, еще можно терпеть, но, когда страдают те, кого ты любишь, как это выдержать?

То, что сделал со мной Крewan, — это исключение, во всяком случае, так я думала: он заклеил меня, потеряв голову, утратив контроль над собой. Я уговариваю себя, что с дедом он не обойдется так, как обошелся со мной.

Мы подошли к джипу, который Леннокс и Кэррик припарковали возле дома. Поговорить с Кэрриком, как и что с нами было, времени не хватило: мужчины спешили укрыться в безопасном месте. Комендантский час уже наступил, нам, Заклейменным, не полагалось оставаться на улице. Да еще трое из нас — нарушители, ушедшие из-под контроля Трибунала.

Мне велели быстро захватить из дома вещи, те немногие одежки, что дедушка решил взять у мамы, когда недавно ездил к ней — самый длинный день в моей жизни, он уехал, а я пряталась на ферме. Вещей мало, все влезло в небольшой рюкзак, и едва ли мне нужно больше, хотя невольно я вспоминала свой прежний гардероб, оставшийся дома, где каждая одежка так много для меня значила, каждая была частью меня, способом самовыражения. Теперь я всего этого лишилась, и для самовыражения, чтобы показать, кто я на самом деле, остались только мои слова и поступки.

Мы попрощались с Дахи, он пожелал нам удачи, а я еще раз настойчиво попросила как можно скорее сообщить обо мне дедушке и мне о дедушке — тоже.

Кэррик распахнул передо мной дверцу автомобиля. Мы встретились взглядами, сердце так и подскочило.

— Надо этим заняться, — сказал он, присматриваясь к ссадине на лбу от той ветки, на которую я налетела за несколько минут до того. Тогда я не почувствовала боли, все заглушал адреналин, но теперь стало пощипывать на ветру. Кэррик изучал мой пораненный лоб, я пока могла присмотреться к его лицу. Никогда еще мы не стояли так близко друг к другу и чтобы при этом я была в сознании — то нас разделяло стекло, то я в супермаркете отключилась. Мне кажется, будто я очень хорошо его знаю, а ведь мы совершенно чужие люди.

Так и не придя толком в себя, я полезла в джип и врезалась башкой в раму двери.

— Все о'кей, — пробормотала я (хорошо в темной машине не видно, как я краснею).

Кэррик сидел за рулем, я сзади, мы часто встречались взглядами в зеркале. Леннокс сидел возле Кэррика, такой же, как он, крупный, накачанный — оба похожи на бойцов.

— Куда мы едем? — спросила я наконец.

Мы снова встретились глазами в зеркале, и снова это странное чувство.

— Домой.

«Домой» мы ехали проселочными дорогами, подальше от городов и шоссе. Но и там все столбы и рекламные щиты были обклеены предвыборной рекламой. Вот Эниа Слипвелл, лидер партии Жизни, — она была у меня на суде. Тогда я не знала этого, но она пыталась меня поддержать. Я даже не знала, кто она такая, пока журналистка Пиа Ванг не стала расспрашивать меня о ней. Эниа Слипвелл недавно возглавила партию Жизни, и один из основных пунктов в ее повестке — права Заклейменных. Тема для политика рискованная: Трибунал действует заодно с правительством. И все же, хотя она занимается такой непростой темой, ее популярность с каждым днем растет.

На плакате под портретом Эниа — короткая стрижка, уверенная улыбка — лозунг: «ЛОГИКА И СОСТРАДАНИЕ». Эти слова я произнесла на суде, объясняя, что подвигло меня помочь старику в автобусе. Зачем я это сделала? Они все время спрашивали меня об этом, растерянные, недоумевающие. Поверить не могли, это же немыслимо — чтобы кто-то вздумал помогать Заклейменному, человеку второго сорта.

Я помогла ему, потому что этого требовали сострадание и логика. Мне стало его жаль, и помочь казалось разумным. Эти слова сами собой пришли ко мне во время суда, я не придумывала специально. Единственное, что я обдумывала заранее, — ложь, которую сочинил для меня Креван. И так странно было теперь видеть эти слова крупными, дерзкими буквами на всех плакатах, словно их похитили у меня и они теперь служат чужим целям.

Тысячу вопросов хотелось мне задать Кэррику и Ленноксу, но я понимала, что сейчас не время. В машине ощущалось напряжение, даже между парнями, когда они спорили, куда свернуть. Стражей повсюду стало больше. Судья Креван отчаянно спешит поймать меня: нельзя же допустить, чтобы самый Заклейменный человек за всю историю Трибунала просто так исчез. Креван обыскивает уже и частные дома, и общественные места, он рассчитывает, что никто не станет меня прятать, если это будет рассматриваться как помощь Заклейменному (и соседям побоятся). Более того, Креван распорядился даже задерживать автобусы для Заклейменных — это специальные автобусы, которые развозят Заклейменных по домам в конце дня, из-за таких задержек люди не успевают вернуться до комендантского часа, и за это их тоже наказывают. В такую игру Креван играет со мной: *буду мучить невиновных, пока ты сама не выйдешь из укрытия.*

В городе начались волнения. Трибунал заявил, будто это случайные вспышки недовольства среди Заклейменных, но дед считал, что Трибунал достал уже не только Заклейменных. Он утверждал, что обычным людям тоже не нравятся эти правила, душащие Заклейменных, и люди заговорили. Теперь я вижу, что в дедушкиных рассуждениях, казавшихся мне вздором, очень даже был смысл. Какие бы резоны ни предъявлял Трибунал общественности, я-то знаю, что единственная причина, по которой Креван закручивает

гайки, — ему нужно во что бы то ни стало поймать меня.

Порой я готова была сдаться сама ради спасения таких же Заклейменных, но дедушка мне запретил: сказал, что я смогу больше сделать для них, если останусь на свободе, и что люди это поймут. Терпение, сказал он.

Впереди показался пропускной пункт со стражами — мы резко свернули влево, за ряд магазинов, с трудом вгиснулись в проулок с помойными контейнерами и там остановились. Мальчики развернули карту, искали другой маршрут. И так несколько раз по дороге. Если в тот момент, когда я увидела Кэррика, мне показалось, будто все беды позади, то теперь я снова вспомнила, что безопасности для нас нет. А ведь не так давно я жила себе, не оглядываясь через плечо. То время уже не вернуть.

На лбу у Кэррика блестели капли пота. Сидя у него за спиной, я внимательно изучала и его затылок, и лицо в зеркале. Черные волосы коротко подбрены, шея, плечи, спина — широкие, мускулистые, крепкие. Я прозвала его Солдатом, когда еще не знала настоящего имени. Четкие, жесткие линии скул и подбородка. Глаза — я никак не пойму, какого они цвета, — в зеркале кажутся черными. Я всматриваюсь — взгляд у него всегда сосредоточенный, напряженный, Кэррик вникает в ситуацию, быстро соображает, ищет новые пути. Он перехватывает мой взгляд, и я, смутившись, отворачиваюсь, когда же решаюсь вновь поглядеть, то ловлю на себе его взгляд.

— Дом, милый дом, — произносит наконец Леннокс. Оба заметно расслабились: добрались. Но я, глянув в окно, скорее напугалась. Не таким я представляла себе «дом». Не об этом мечтала.

Мы заехали на участок, огороженный забором высотой шесть метров, с колючей проволокой поверху. Больше похоже на тюрьму. Кэррик оглянулся, проверяя мою реакцию, черные глаза смотрят пристально.

Я нарушила главное дедово правило. Он ведь говорил: никому не доверяй.

И я впервые усомнилась в Кэррике.

Прожектора шарят по небу. Такие яркие, мешают разглядеть хоть что-то за окном машины. Мужчина с автоматом движется к нам, кажется, он зол.

— О-о-о, — бормочет Леннокс. Бросает мне одеяло — ляг, прижмись к сиденью, накройся. Я поспешно выполняю его команду.

Кэррик опускает стекло:

— Добрый вечер, шеф.

— Добрый вечер? — сплевывает тот. — Полночь. О чем вы только думали? Повсюду шуруют стражи, мои ребята, конечно, надежны, но и они начнут задавать вопросы, если по ночам будут эти поездки туда-сюда. Вы хоть понимаете, как подставите всех, если попадетесь в такой час?

— Не попались же, — возражает Леннокс. — Не злись, Эдди. Сам понимаешь, мы бы не поехали, если б не крайняя нужда.

Эдди негромко выругался:

— Работники вы хорошие, но могу обойтись и без вас. Замену искать недолго.

— Конечно, мы, Заклейменные, должны с благодарностью принимать все, —

насмешливо ответил Леннокс.

— Лен! — остановил его Кэррик. И, обращаясь к Эдди: — Это не повторится. А если бы с нами что-то случилось по дороге, нас бы никак не связали с этим местом. Мы же оба дали слово молчать.

— Честное слово скаута! — подхватил Леннокс. — Ну что,пустишь нас? Может, вы тут не знаете, но вообще-то стражи шуруют повсюду, опасно оставаться за воротами.

Повисло молчание, Эдди что-то прикидывал, я вновь ощутила, как сгущается угроза. Если не впустит, мы и ночи не продержимся снаружи, трое Заклейменных, трое беглецов. Заклейменным вообще не разрешается путешествовать вместе более чем вдвоем, вообще собираться вместе, да еще наступил комендантский час, да еще мы все известные нарушители.

— Ладно. И не воображайте, будто я не заметил тело под одеялом. Надеюсь, оно хотя бы живое. Не знаю, что вы затеяли, но у меня тут не лагерь беженцев: если вы кого-то еще притащили, пусть работает, как все.

— Лучше всех, — ответил Кэррик, и я улыбнулась под одеялом.

— Что за место? — спросила я, когда мы въехали в ворота и мне разрешили откинуть одеяло. Я смотрела в окно, до боли напрягала шею, пытаюсь разглядеть верхние этажи этого строения, смахивающего на атомную электростанцию.

— Это ССУ, а рядом — СДУ. Два филиала одной компании.

— И чем они занимаются? — уточнила я, когда Леннокс выпрыгнул из джипа, не дожидаясь остановки, и растворился в сумраке. Кэррик аккуратно запарковал машину.

— Утилизацией углерода и углекислого газа, — ответил он.

Я продолжала вопросительно смотреть на него.

— Ты же юный гений, — поддразнил он.

— Только в математике, а не во всем на свете.

— Пошли покажу тебе.

Он распахнул передо мной дверцу, и что-то в его манере напомнило мне, что он вырос в интернате для детей Заклейменных родителей. Трибунал отбирает их, чтобы воспитанием уравновесить воздействие плохой генетики, в этих специализированных школах детям полностью перенастраивают мозги. Кэррика забрали у родителей, когда ему было пять лет, он воспитывался в государственной школе с самым лучшим оборудованием, учителями, высочайшими, как они хвалятся, требованиями: Трибунал, слившийся с государством, растит идеальных граждан, но, едва достигнув совершеннолетия, Кэррик все это отверг, совершил тот единственный поступок, который детям Заклейменных строго-настрога запрещен: отправился на поиски родителей. Ему поставили Клеймо на груди за измену обществу, его идеалам.

Ему всего восемнадцать, он замечательный, и в этом была его единственная вина: парень хотел знать своих родителей. Вот он ведет меня по заводской территории, показывает и объясняет, открывает двери карточкой.

Сбоку стояло с десятков металлических контейнеров, словно приземлившиеся бок о бок ракеты, что-то похожее можно увидеть в пивоварне или скорее на базе НАСА: вот-вот взлетят.

— Как ты знаешь, углекислого газа сейчас производится гораздо больше, чем поглощается. Таких цифр не было за последние восемьсот тысяч лет. В основном этот газ происходит от нефти и угля, ископаемых видов топлива, которые миллионы лет

накапливались в земле. Эти отходы загрязняют атмосферу, и такие заводы создаются для того, чтобы улавливать углекислый газ и тоже использовать как ресурс. Из углекислого газа и из углерода можно производить новые продукты.

— Каким образом?

— Углекислый газ собирается на электростанциях, на металлургических и цементных заводах или же улавливается из воздуха. Потом из него извлекают углерод, сырой материал для новой продукции — экологического топлива, метанола, пластика, лекарств, стройматериалов.

— Принадлежит государству? — уточнила я, все еще удивляясь, зачем он притащил нас сюда: как мы можем чувствовать себя в безопасности на государственном заводе, среди тех самых людей, от которых пытаемся убежать?

— Частный. Это первый такой завод, пока идут опыты, испытания, до выхода на рынок еще далеко. Стражи не могут являться сюда врасплох с обысками, они должны предупреждать как минимум за сутки.

— Поэтому ты и обосновался тут?

— Я ничего не решал: я пришел сюда вслед за другими.

— За кем?

— Потом я вас познакомлю. Сначала все покажу. Здесь четыре корпуса. Вот этот — восстановительный. — Кэррик коснулся карточкой панели, и красный огонек сменился зеленым.

Он открыл дверь и пропустил меня вперед. Изнутри огромный завод был похож на самолетный ангар — еще больше контейнеров, трубы тянутся во все стороны, лестницы карабкаются вверх по стенам и до потолка. Кэррик вручил мне каску и яркий жилет.

— Тут я и работаю. Ничего сложного, оператор погрузчика, так что я тебе все простыми словами объясню.

— Мне что простые, что сложные, — пробормотала я, оглядываясь, ошеломленная футуристическим блеском металла.

— В том контейнере собираются выхлопные газы, охлаждаются, оттуда поступают в абсорбционную колонну, там удаляется углекислый газ. Они движутся по абсорбционной колонне снизу вверх.

Он рассказывал на ходу, указывая на то или иное оборудование, я слушала и пыталась понять.

— Газ вступает в реакцию с химическим раствором, и тут начинается самое интересное.

Я улыбнулась.

— После обработки газ направляется вот сюда, в выхлопную трубу, и снова выпускается в атмосферу. Сжиженный углекислый газ выходит из абсорбционной колонны, и его закачивают в восстановительный отсек, там процесс поглощения проходит в обратном направлении: жидкий CO_2 поднимается со дна абсорбционной колонны и направляется в теплообменник, температура там повышается. Дальше с ним опять что-то происходит, и углекислый газ уже в виде пара направляется в компрессор. Вон там. — Мы остановились перед компрессором. — И вон там тоже. Хочешь еще что-нибудь узнать?

— Да. Кто эти «другие», за кем ты сюда пришел?

Он кивнул:

— Мы как раз к этому подошли.

Мы вышли из заводского корпуса и быстро пересекли территорию — там громоздилась уже не столь футуристическая жилая с виду постройка: белые вагончики, один на другом, пять в высоту, десять в ширину, соединенные стальными лестницами и балконами. Сначала мы вошли в простое одноэтажное бетонное здание, проходную, за пустым столом никого — час поздний, — несколько пустых стульев, на низком столике разложены технические журналы. В углу на кресле спал жирный охранник.

— Тут размещается сто рабочих, — пояснил Кэррик. — Место на отшибе, до ближайшей деревни, тем более города, слишком далеко, чтобы каждый день приезжать и уезжать, вот владельцы и поселили рабочих здесь.

— А кто владельцы?

— Частная компания Vigor, — пожал он плечами. — Я тут всего две недели, никого пока не видел. Вроде бы сочувствуют Заклейменным. Приютили тут целую кучу нарушителей, позволили жить и работать.

Он ткнул пальцем в постер на стене за столом, и я увидела ту же красную букву V, которую и раньше уже замечала повсюду на заводе. Стилизованную, словно знак квадратного корня. Никак не удавалось сообразить, где же я видела раньше что-то похожее.

VIGOR. РЕШАЕМ ПРОБЛЕМЫ

— Есть четыре зоны отдыха, своя для каждого корпуса. Все Заклейменные работают в одном корпусе. Нам сюда. — Он толкнул дверь, и мы вновь вышли на ночной воздух, двинулись к вагончикам.

Несмотря на поздний час, оттуда доносились голоса, наше с Кэрриком время наедине истекало. Мне нужно было срочно его кое о чем спросить.

— Кэррик, я должна знать ... — Я сглотнула и договорила: — Ты кому-нибудь говорил о ... — Я указала на свою поясицу.

— Никому.

Я почувствовала облегчение, и все-таки мне было неприятно упоминать шестое Клеймо. Нам с Кэрриком так легко было вдвоем, но при воспоминании о камере Клеймения я вновь вся сжалась.

— Кроме стражей и Кревана, знаем только мистер Берри и я, — подбодрил меня Кэррик. — Я пытался связаться с мистером Берри, но пока не получается. Особенно трудно потому, что я сам должен прятаться.

— Все стражи исчезли, Кэррик, — торопливо заговорила я. — Пропал и мистер Берри. Я боялась, что Креван добрался и до тебя. Нам очень о многом нужно поговорить.

— Как это? — Его зрачки расширились.

В вагончике распахнулась дверь — голоса, смех, куча народу. Нет, я пока не готова к знакомству. Сначала нужно все объяснить Кэррику. И я зачастила:

— Я сказала о шестом Клейме Пиа Ванг.

Он вздернул брови, недоумевая, зачем я откровенничала с журналисткой, работающей на Кревана, на его телеканал. Пиа по должности была обязана излагать телезрителям мою

историю, после суда она в ключья драла мою репутацию, как обычно, когда она отработывала сюжеты о Заклейменных, но на мне сломалась: что-то с ней случилось, и Пиа поверила мне. С самого начала ей казался странным этот суд надо мной, и она не могла больше найти оправдание своим пристрастным репортажам. Она чувствовала: здесь что-то не так.

— Понимаю, для тебя это неожиданность, но ей можно верить. Она старалась изо всех сил собрать материал и разоблачить Кревана. Вот уже две недели, как она пропала из виду. Не только со мной не выходит на связь — я проверила в интернете, за две недели ни одной статьи ни Пиа Ванг, ни ... под другим именем.

— Под псевдонимом?

— Лайза Лайф.

Кэррик присвистнул:

— Ого! Она — Лайза Лайф? Теперь я понимаю, почему ты решила ей рассказать.

Лайза Лайф — известный блогер, она всерьез критикует всю систему наказания Заклейменных. Власти пытались разыскать ее и заткнуть ей рот, но она успевает переключаться с сервера на сервер.

— Никому не говори, — предупредила я. — Я обещала хранить тайну.

— На моих устах печать.

— Но она уже несколько недель ничего не пишет, — продолжала я. — Хотелось бы надеяться, что она молчит, потому что с головой погрузилась в большую статью о Креване, которая полностью его разоблачит, камня на камне не оставит. Но ... Не тот Пиа человек, чтобы долго молчать. В последний раз мы с ней говорили, когда она собиралась встретиться с родственниками тех стражей.

Кэррик нахмурился, не поспевая за информацией.

— Семьи стражей сообщили об их исчезновении? Полиция их ищет?

— Мне кажется, они боятся заявлять в полицию. Муж мистера Берри сказал, что он просто исчез, и все. И я все это время боялась за тебя, боялась, что Креван устроит так, что ты тоже «исчезнешь». Но Креван не знал, что ты был там, что ты все видел, и я не говорила Пиа, так что, наверное, ты в безопасности. Креван не знал и о том, что мистер Берри успел снять его на телефон, когда он ставил шестое Клеймо, но он подслушал мой разговор с мужем мистера Берри. Его муж сказал мне, что видео у меня, — шепотом договорила я.

— Так Креван поэтому тебя разыскивает? Ему нужна эта съемка из камеры Клеймения?

Я кивнула.

— Он боится, что ты выложишь это видео?

— Наверное, так.

Кэррик посмотрел на меня с уважением:

— Значит, он у нас в руках. Я знал, что все дело в тебе, но не понимал почему. Он боится, Селестина. Он у нас в руках.

— Наговорились? — окликнула нас вдруг женщина, стоявшая в распахнутой двери того вагончика, откуда доносился шум и гам. — Присоединяйся к нам, Селестина!

Широченная улыбка освещала ее лицо. Она мне рада.

Я сморгнула в недоумении, потом сообразила: две недели меня показывали в новостях,

вот откуда эта чужая женщина меня знает.

— Угу, спасибо, — сказала я.

— Селестина Норт! — произнесла она, как только я подошла ближе. Она распахнула объятия, прижала меня к себе. — Большая честь для нас.

Сначала я замерла под ее рукой, но постепенно расслабилась. Давно уже меня не обнимали. Подумала о маме и папе и едва справилась со слезами.

— Я — Келли. Заходи, познакомлю тебя со всеми.

Я оглянулась на Кэррика, но Келли уже ухватила меня за руку и повела за собой. Внутри — полным-полно незнакомых людей, и все таращились на меня. Кэррик вошел следом и притаился где-то в углу.

— Это мой муж Адам, — сказала Келли.

Крепкие объятия.

— Добро пожаловать.

— А это Роган. — Она потащила меня к подростку, прятавшемуся в темном уголке.

— Поздоровайся с Селестиной, Роган! — Она говорила с ним, будто с малолеткой.

Он слабо помахал рукой, словно не желая утруждать себя.

— Ну же! — надавила Келли, и он лениво поднялся, зашаркал мне навстречу — стопы чересчур велики для тщедушного тела, штаны спадают, — протянул мне руку. Влажную. Безжизненную. Не глядя в глаза — и скорее обратно, на свое кресло-мешок. Случись такое во внешнем мире, я бы подумала, что ему противно иметь дело с Заклейменной, но здесь все были такие же, я подумала, он и сам один из нас, и списала его поведение на застенчивость. Келли продолжала трещать со скоростью сто миль в час, знакомя меня со всеми остальными.

Корделия и ее маленькая дочка, шестилетняя Ивлин — она тут же показала мне, что верхние зубы уже выпали, вот, кончик языка высовывается. С удивлением я узнала тех двоих мужчин, рядом с которыми оказалась в очереди в кассу — из-за этого две недели назад в супермаркете начались беспорядки. Фергюс и Лоркан. У Лоркана свежий шрам на лбу, Лоркан весь в синяках. А еще Мона, моя ровесница, улыбка такая яркая, что может ночь осветить, энергия так и брызжет. Она сразу мне приглянулась. А вот и человек постарше, в круглых синих очках, волосы собраны в длинный седой хвост, — такому бы сидеть у костра и петь «Кумбайя»^[1].

— С нашим старшим, Кэрриком, ты уже знакома, — улыбнулась Келли. Кэррик подошел ближе. — Я так рада, что в замке с ним оказалась ты. — Она взяла мои руки в свои, глаза ее наполнились слезами. — Мы знаем, как это страшно. Хорошо, что рядом с нашим мальчиком была ты. — Она потянулась к сыну, но тот слегка отпрянул. Как будто сам удивился такой реакции, но слишком поздно — Келли уже отдернула руку, отвернулась, пряча обиду.

— Ты нашел родителей? — радостно спросила я.

Переводя взгляд с Адама на Келли, я наконец подметила сходство Кэррика с отцом, но на мать он совсем не был похож, она хрупкая, словно птичка, и Кэррик возвышался над ней — как, впрочем, над любым почти человеком. Она больше похожа на Рогана, этого угрюмого мальчишку, который не хотел пожать мне руку. Я снова взглянула на Рогана и сообразила, что он — ее сын.

— Значит, вы двое ...

Я ждала отклика, но они молчали. Даже не глядели друг на друга. Странная какая-то атмосфера, очень напряженная. Хотя — воссоединение с близкими через тринадцать лет едва ли дается легко.

— Они — братья! — вдруг выкрикнула Мона. — Ага! Начислите мне баллы! — Она шутовски взмахнула сжатым кулаком. — Большая счастливая семья, верно, ребята?

— Мона! — строго одернул ее Адам, а Келли отвернулась. Не похоже, чтобы Мону это смутило.

— Кэррик, ты не сказал ей, что отыскал нас? — расстроилась Келли.

Молчание затянулось. Кэррик дергал себя за мочку, пристыженно, в поисках ответа, который помог бы ему вывернуться из неловкой ситуации.

— А Кэррик уже показал тебе спальные места? — как раз вовремя вмешалась Мона.

И так, переваривая на ходу открытие, что Кэррик сумел-таки найти родителей, я поспешила следом за Моной, которая трещала быстро-быстро, я с трудом разбирала слова.

— Ничего. Сейчас все покажу. Будешь жить со мной.

Как я уже говорила, жилье состояло из составленных друг на друга вагончиков, но это были не обычные прямоугольные вагоны с примитивными койками, а современные, очень умно спланированные: я заглянула по пути в одну из спален и увидела продуманное жилое помещение с двухэтажной кроватью — наверху одно место, внизу два, со встроенными полками и ящиками. Поместились даже душ и туалет. Все ослепительно-белого цвета.

— У каждого спального отделения собственный санузел, кондиционер, телевизор с плоским экраном и персональный сейф, — проговорила Мона смешным «искусственным» голосом, как будто портье, сопровождающий гостя по отелю. — В каждом отделении двухспальная кровать и односпальная койка наверху.

Я рассмеялась:

— Никогда раньше ничего подобного не видела.

— Все самое лучшее для работников ССУ! — Она понизила голос, хотя незаклейменные размещались так далеко от нас, что услышать никак не могли. — Владелец завода сочувствует Заклейменным. Мы с ним ни разу не встречались, он — тайная, закулисная фигура, — с иронией пояснила она, широко раскрывая глаза и шевеля пальцами, словно кукольник.

— Это Эдди?

Она засмеялась в ответ.

— Нет, Эдди — управляющий. Я говорю о *главном* боссе, о владельце, создателе, изобретателе и так далее. Бахи говорит, что знаком с ним, но я не вполне ему верю: Бахи — ученый, он иногда малость ... — Она присвистнула, не договорив до конца. — Во всяком случае, Эдди про нас знает. Он селит нас отдельно от других и планирует смены так, чтобы мы с ними не смешивались. Только он и мы сами знаем, что мы — Заклейменные, больше никому знать нельзя. Все мы здесь, понятное дело, нарушители. — Она закатила глаза, посмеиваясь и над этим понятием. — Так что повязок мы не носим. Если Клеймо у тебя на руке, будешь работать в перчатках, если Клеймо на виске, тебе подберут работу, на которой нужно надевать каску, или сделаешь такую прическу, чтоб все закрыть. На косметику не полагайся, тут бывает жарко, и краска стечет с лица, оглянуться не успеешь. Если Клеймо на языке, придется помалкивать. Усекла?

Я поспешно закивала. У меня Клейма всюду, где она перечислила, и в других местах сверх того.

— Супер. — Она присмотрелась, соображая, можно ли мне доверять, и осталась довольна. — У нас тут одна девушка влюбилась в ученого. Лиззи — она жила со мной в одной комнате. Все порывалась рассказать ему: дескать, она так его любит, ей важно, чтобы

он знал о ней правду. — Мона снова закатила глаза. — Честное слово, каждую ночь я слушала этот бред. Ну и вот, ничего хорошего из этого не вышло. Она рассказала ему, кто она есть, он психанул, и она удрала. Могла нас всех до беды довести, — сердито продолжала Мона, отпирая свое отделение и распахивая дверь.

Внутри все было в точности как в том отделении, куда я успела заглянуть по дороге. Односпальная койка наверху явно принадлежала Моне, там виднелись постеры, на постели лежал плюшевый мишка. Внизу — двойная кровать, голый матрас, там до недавней поры спала Лиззи, считала это место своим домом, рассказывала соседке о своей любви — а потом сбежала. Как же мы все заменимы.

Я хорошо понимала, что почувствовала эта юная Лиззи, когда возлюбленный отверг ее, узнав, что она — Заклейменная. Мне вспомнилось, как Арт смотрел на меня в школьной библиотеке, когда я вернулась после Клеймения, как он не решился меня поцеловать. В этом, верно, основная идея Клейма на языке. Все говорят, что это Клеймо — самое ужасное. Но у меня есть похуже: Креван собственноручно прижал раскаленное железо к моей пояснице, заявив, что я испорчена до мозга костей. Об этом здесь никто не знает, кроме Кэррика, — он присутствовал при этом.

— Давно Лиззи ушла? — спросила я, глядя на широкую пустую кровать.

— Две недели назад. Даже не попрощалась, — сердито ответила Мона. — И вещи почти все оставила. Проводишь с человеком дни напролет, считаешь его другом ... В общем ... — она быстро сменила тему, прикинувшись, будто ей все равно, хотя обида ясно читалась на ее лице, — в общем, правила таковы. Здесь спишь, тут умываешься, вещи складываешь вот сюда. Ложиться и вставать можешь в любое время, как тебе удобнее по работе. Бывают дневные смены и ночные. Перекусить можешь у нас на общей кухне. У завода имеется столовая получше — выбор шире, еда вкуснее, — но там трудно избежать близкого общения. Келли и Адам работают на кухне, Бахи — наш ученый специалист, Корделия — великий компьютерщик, а я уборщица. С другими общаться можно, только не слишком сближаться. Никто не знает, что мы Заклейменные, но некоторые люди задают слишком много вопросов, понимаешь? Лучше держаться в стороне, но и тут не переборщить, иначе обратишь на себя внимание. И ни в коем случае нельзя иметь дела с Фергюсом и Лорканом: у них одно на уме. — Она многозначительно посмотрела на меня.

— А, ну да, секс.

— Нет, — расхохоталась она. — Это бы здорово. Нет, — посерьезнев уточнила она, — революция. Наверное, Кэррик тоже такой, он все время с ними, но он тихий, о чем он думает, не угадаешь. — Она выдержала паузу, улыбочиво присматриваясь ко мне. — Вижу, на тебя он внимание обратил, — приподняла она брови.

— У нас с Кэрриком ничего такого, — ответила я, не в силах объяснить, что на самом деле «у нас с Кэрриком».

Наша связь была глубже, мы прошли через такое, что навеки соединило нас, через то, чего у меня никогда не будет с другим человеком. Не знаю, так ли это хорошо, что, глядя на Кэррика, я всякий раз вспоминаю, что он присутствовал в камере Клеймения в самый трудный момент моей жизни. При виде его я вынуждена вспоминать об этом снова и снова. Может быть, лучше держаться от него подальше, и тогда это пройдет.

Мона уставилась на меня в ожидании сочных подробностей, но мне было не по себе. Рассказать ей о том, что нас соединяет, — значит рассказать всю историю, а всю историю до конца никому доверить нельзя.

— Давно ты здесь живешь? — спросила я, оглядываясь по сторонам.

— О, ты в точности Кэррик — уходишь от ответа. Ладно, можешь не говорить мне, только гляди в оба: эти мальчишки из интерната, известное дело, мечтают только об одном. — Наступив на мою кровать здоровенным черным кожаным ботинком, она полезла к себе в постель.

Я призадумалась:

— О революции?

Она ухмыльнулась:

— Не-а. Они по большей части хотят секса.

Невольно я расхохоталась.

— Я тут уже год. Я-то на твои вопросы отвечаю.

— Ты год как заклеямена?

— Два года. — Она отвернулась, дотянулась до лакированного шкафчика без ручек на стене, нажала на дверцу, чтобы открыть. Сняла с полки постельное белье и уронила на мою кровать. Потом снова прошла по моей кровати большими кожаными ботинками и спрыгнула на пол, принялась застилать мне постель. Я попыталась помочь, но она отмахнулась и, продолжая возиться с простыней, начала рассказ. Я почувствовала: ей легче рассказывать свою историю, когда руки чем-то заняты.

— Меня выгнали из дому после того, как мне поставили Клеймо. Отец сказал: «Ты мне не дочь». — Она произнесла отцовские слова басом, прикидываясь, будто ее это забавляет, но смешного тут было мало. — Вернулась в один прекрасный день из школы, а мои вещи уже упакованы. Он проводил меня до такси, а мама смотрела в окно. Дал мне денег на неделю, и на том привет. — Взгляд ее уставился куда-то вдаль. — Год я прожила на улице, как настоящая порочная Заклейменная. А потом донесли вести о нарушителях-чудесниках, которые ухитряются жить без контроля стражей, тех, кому Трибунал не переломил хребет. Поначалу я думала, это миф, эти нарушители вроде эльфов, но оказалось, правда. И наконец я попала сюда. Лучшее, что могло случиться со мной.

Слушая ее с широко раскрытыми глазами, я осознала, как же мне повезло: у меня есть семья, которая никогда меня не бросит. Бедный мой дедушка прямо сейчас расплачивается за то, что пытался защитить меня, подумала я.

— Что ты сделала? — спросила я.

— Целый год делала то и се, следовала правилам, выполняла, что велела мне стражница, а потом надоело — не для меня это. Работу я найти не могла, а без работы не могла платить за жилье. Ютилась в разных убежищах для бездомных. Сама понимаешь, Заклейменным несладко, даже когда есть крыша над головой — попробуй себе вообразить, каково это, когда и дома нет. — Глаза ее блестели от слез. — Так что я решила и перебралась сюда. — Она снова глянула на меня в упор.

— Что ты сделала, за что тебя заклеямили?

Ее слезы мгновенно высохли, глаза потемнели. Так я усвоила первое правило Заклейменных: никогда не спрашивай других, за что их приговорили к Клейму.

время убегаю от Кревана — несусь, перепрыгиваю стены, но всегда недостаточно быстро, как будто на тренажере, вроде бы и бегу, бегу, но уйти не могу. Ужасно выматывает, и так всю ночь, по кругу. Единственная разница между новым кошмаром и всеми предыдущими: добавились еще и картины, как дедушку пытаются в камере Клеймения.

Потев и задышавшись всю ночь, ранним утром я вскочила — надо как можно скорее поговорить с Дахи. И еще важнее: позвонить домой. Узнать, что происходит.

Утренний свет струился в окно вагончика. Я обнаружила, что Моны уже нет на верхней койке. Наверное, ушла на работу. Я глянула на часы и глазам своим не поверила: полдень.

В дверь постучали.

Я завернулась в простыню так, чтобы прикрыть Клеймо напротив сердца, и открыла дверь.

— Привет, — сказал Кэррик, оглядывая меня с ног до головы, и я почувствовала, как под его взглядом покрываюсь мурашками. — Принес тебе чем подкрепиться. — Он протянул дымящуюся паром кружку кофе и шоколадный кекс. — У меня обеденный перерыв.

— Поверить не могу, что я так долго спала.

— Нужно было отдохнуть. — Взгляд его сделался еще внимательнее. — Тебе туго пришлось.

Я обхватила кружку руками, наслаждаясь теплом.

— Спасибо.

— Приходи в кухню, как будешь готова. Сейчас почти у всех перерыв, и они тебя ждут, хотят кое-что показать. Не пугайся так. — Редкая улыбка промелькнула на его лице.

— Хорошо, сейчас приду. Кэррик! Ты родителей нашел! — Я счастливо улыбнулась ему.

— Ну да, — пробурчал он, сморщил лицо озадаченно. — Так странно. Так непривычно. Всего несколько недель. Я их почти не знаю. А они знают меня, мама особенно: она вроде все до мелочей обо мне знает, а я о ней — ничего...

— Конечно, странно. Я всего несколько дней провела в замке, и то дома потом все казалось непривычно.

Например, с моей сестрой Джунипер: мы с ней все время не ладили, помирились буквально в последнюю минуту перед тем, как я второпях покинула дом. Она призналась, что чувствовала себя виноватой, потому что не поддержала меня тогда в автобусе и не выступила на суде. И при этом она, как это ни чудно, ревновала, завидовала даже моему наказанию, потому что это я поступила правильно, а не она. Еще выяснилось, что она помогала Арту прятаться, даже от меня, в то время как мне он отчаянно был нужен — увидеться с ним казалось важнее всего на свете. Наши отношения так сильно изменились, исказились за несколько недель, и все потому, что мы не поговорили вовремя.

— Мне кажется, когда с тобой такое случается, это ... отчуждает от других, — тихо заговорила я, вспоминая, как вернулась в школу, а у меня там не оказалось больше друзей, как многие учителя не пускали меня в класс, как одноклассники заманили меня в сарай и заперли, как оборвался роман с Артом. Все сдвинулось с места, все изменилось, и мало что к лучшему.

Снова он пристально глянул на меня.

— Но нас с тобой то, что случилось, вовсе не развело, — сказал он.

Мне и задуматься не пришлось.

— Нет.

— Это нас сблизило, — продолжал он.

— Да, — пугливо улыбнулась я.

Он кивнул.

— Жду тебя на кухне. Иди той дорогой, которую Мона тебе показала: не надо, чтобы другие тебя видели.

Я закрыла за ним дверь, ощущая, как прибывают силы всего лишь оттого, что постояла рядом с ним, — правда, от его прощального совета я несколько сникла. Я приняла душ, быстро оделась, понимая, что меня все ждут. Распахнув дверь, я чуть не налетела на кулак — сначала мне показалось, что он целит мне в лицо, и я, взвизгнув, присела. Но удара не последовало, и ноги тоже не пытались ни пнуть меня, ни удрать, а лишь переминались у меня перед глазами. Я осторожно убрала руки, которыми закрывала лицо и рискнула перевести взгляд выше.

Молодой человек так и замер с занесенным кулаком, в недоумении таращась на меня.

— Я собирался постучать в дверь.

— А! А, ну да. — Я поднялась на ноги, чувствуя себя довольно глупо.

— Простите, что напугал, — продолжал он в замешательстве, его щеки густо заалели, никогда такого яркого оттенка не видела у реального человека. — Я Леонард, — продолжал он, блуждая взглядом по полу, по стене, по двери, куда угодно смотрел, лишь бы не на меня. — Я тут работаю. — Он подтянул висевший на шее пропуск и сунул мне его в дверь.

«Леонард Амбросио, технолог». А выглядел скорее как мальчик из хора.

— Привет, Леонард, — сказала я и открыла дверь шире.

Я боялась, что он может меня узнать, но раз он здесь, в этом отделении, значит, он тоже Заклейменный? Можно ему доверять? Не сощурились ли немного его глаза, когда он присматривался ко мне? Мое лицо, мое имя демонстрировали все СМИ. Попалась?

— Простите, что побеспокоил вас. Вы тут новенькая, понимаю. Раньше в этой комнате жила моя подруга. — Он огляделся по сторонам так, словно нервничал больше, чем я. — Лиззи.

Я напряглась. Тот самый друг и возлюбленный, который не признает Заклейменных.

Он с надеждой смотрел на меня.

— Я только что приехала, я ничего не слышала о ней, — ответила я, стараясь защитить себя, думая про себя: из того, что она Заклейменная, еще не следует вывод, что я непременно тоже.

— Ничего? А? Вот ее фотография. — Он следил за мной, пока я разглядывала фотографию: вдруг мне что-то припомнится. — И вот мой телефон. — Он вручил мне клочок бумаги со своим именем и номером. — Если что-то услышите о ней, если кто-то о ней заговорит, скажет, куда она могла уехать, — пожалуйста, позвоните мне. Я очень хочу ее найти.

— Зачем? — холодно спросила я.

От такого моего тона он явно растерялся.

— То есть как?

— Зачем вам понадобилось ее искать?

Неужели он рассчитывает, что я добуду ему информацию и он сможет напустить стражей на беглянку?

— Потому что я ее люблю, — ответил он, заклиная меня взглядом. — И очень за нее волнуюсь. — Он огляделся осторожно и продолжал, понизив голос: — Я знаю, кто она ... что с ней ... понимаете? — Он посмотрел прямо мне в глаза. — Мне кажется, она побоялась

мне сказать, но меня это не беспокоило, я давно знал и нисколько об этом не беспокоился, то есть беспокоился, конечно, за нее, это вовсе не мешало мне ее любить, наоборот, из-за этого я, наверное, еще больше ее любил. — Щеки его снова вспыхнули, парень засмутился. — Мне важно, чтобы вы поняли, я против Заклейменных ничего не имею. — Опять его взгляд заметался по коридору. — А главное, необходимо, чтобы это поняла Лиззи. Вы мне поможете?

— Ладно. — Я нахмурилась: совсем не такую версию изложила мне Мона, и мне бы не хотелось увязать в чужих отношениях. Противный голосок в моем мозгу все переспрашивал: не подстава ли это? Он использует меня, чтобы найти Лиззи, и сдаст ее? — Но я вам уже сказала: мне про Лиззи ничего не известно.

Где-то за углом хлопнула дверь. Мы оба тревожно оглянулись.

— Пожалуйста, не говорите Моне и другим, что я сюда приходил. Мне в этом отделении бывать не полагается, Лиззи дала мне пропуск, когда мы встречались. Это ... это пусть останется между нами, — попросил он.

Таким серьезным он выглядел, таким обеспокоенным, таким искренним, что я готова была ему поверить. И он вроде бы предлагал соглашение: я никому не расскажу о нем, а он никому не расскажет обо мне. Я поспешно прикрыла дверь, соображая, не стоит ли все же поговорить с Моной. Его история противоречила ее версии, но я только что сюда приехала, не хотелось оказаться вовлеченной в словесную войну, тем более в историю, которая меня вовсе не касалась.

В итоге я пожала плечами и пошла в кухню, решив про себя, что об этом можно больше не думать.

Первая большая ошибка.

— Долго ты возилась! — заявила Мона, едва я переступила порог. — У нас уже и обед почти кончился.

— Извините, — ответила я. — Просто я давненько уже не мылась так, чтоб каждую минуту не дергаться, вдруг стражи явятся.

Все рассмеялись, сгрудились вокруг меня. Тут были и другие Заклейменные, кого я не видела накануне, они тоже подошли познакомиться. Ивлин непременно хотела показать мне акробатические трюки и пустилась колесом через всю комнату, ее мать, Корделия, никак не могла ее остановить.

— Ты уж прости, — сказала Корделия, устраиваясь возле меня. — Ивлин живет тут с двух лет, она всегда возбуждается, когда к нам попадают новые люди, это случается так редко.

— Все в порядке. Славная малышка. — Я улыбнулась, в глубине души жалея беднягу.

— Добро пожаловать. — Теплые руки Бахи сжали мои ладони. — Хорошо спала?

— Лучше, чем раньше, — улыбнулась я. Действительно, пусть мне снова снились кошмары, все лучше, чем у деда на ферме, где тревога ночь напролет не давала уснуть. И тут же мне стало стыдно: отсыпаюсь, а дедушку тем временем мучают в замке из-за меня.

— Отлично. Тебе, конечно, надо было отдохнуть после такого путешествия. Мы ведь все прошли через то же самое, не забывай, мы понимаем, как трудно адаптироваться. На это

нужно время, и мы тебе поможем. Оставайся с нами сколько захочешь.

— Спасибо, — ответила я.

Бахи неожиданно захлопал в ладоши:

— Так, ребята. Спасибо, что собрались в свой перерыв, а что касается тех, кто прогуливает работу: Эдди вас убьет, так что не вините потом меня. — Он грозно глянул на Мону, одетую в форму уборщицы: та снова смеялась. — Давайте покажем Селестине Норт, чем мы тут занимаемся.

Стулья и диванчики сдвинули, образуя круг. Я оказалась рядом с Моной. Кэррик остался стоять за пределами круга, руки сложил, прислонился к стене: лицо серьезное, все время настороже.

По другую сторону от меня села Келли.

— Надо нам с тобой поболтать, — оживленно сказала она, подмигивая. Она пожала мне руку.

Я поняла, как напрягает Кэррика желание его матери вернуть все и сразу: она так счастлива вновь обрести сына, она хватается за любую связь с ним. Адам, устроившийся рядом с женой, слегка похлопал ее по колену: видимо, призывал соблюдать спокойствие. Она извинилась и отпустила мою руку.

Роган прятался в темном углу, как и прошлой ночью, пристроился на кресле-мешке, компьютерная игра под рукой. Но все же он сдвинулся поближе, смотрел, что у нас происходит, и в итоге сосредоточил все внимание на Кэррике, следя за каждым его движением.

— Многие присоединяются к нашему племени — иногда они потом уходят, но всех принимают с любовью и распростертыми объятиями, — заговорил Бахи. — Прежде чем я стал Заклейменным, в прошлой моей жизни, когда я был ученым, мне довелось много путешествовать по лабораториям, по заводам всего мира. — Я понимала, что он обращается непосредственно ко мне, что все это адресовано главным образом мне. — Этого мне теперь больше всего недостает: сойти с трапа самолета, вдохнуть воздух новой страны, почувствовать, как опалает меня жаркое африканское солнце. — Он замер на миг, уйдя в воспоминания, и все терпеливо ждали, вероятно тоже погрузившись в ту пору свободы, которую мы принимали когда-то как само собой разумеющееся. — Но, я считаю, удачно, что теперь я могу делиться опытом этих путешествий с теми, кто такого опыта не имел. — А это уже предназначалось Ивлин. — Например, африканское племя бабемба вполне могло бы кое-чему научить цивилизованные народы. Это племя верит, что каждый человек от природы хорош, каждый хочет лишь безопасности, любви, мира и счастья. Но порой в погоне за этими насущными вещами человек допускает ошибку. И если с кем-то случается такая ошибка, этого человека выводят в центр поселка. Все бросают работу и собираются вокруг, все принимают участие в чудесной церемонии: каждый соплеменник рассказывает этому оступившемуся собрату, что хорошего тот успел сделать в своей жизни. Всё припоминается, каждая хорошая черта, каждое доброе дело. Под конец устраивают праздник, и так этого человека символически и буквально принимают обратно в племя.

— Это чудесно, — мечтательно пробормотала я. Вот если бы ...

— Самое мое любимое, — откликнулась Мона.

— Итак, Леннокс, ты у нас новичок. Встань, — приказал Бахи.

Лоркан, Фергюс и Кэрри поддержали его подбадривающими кликами. Леннокс, ухмыляясь, выдвинул стул и сел в центре комнаты. Изображая рок-звезду, помахал нам, будто

со сцены, будто нас тут — тысячи зрителей.

Ивлин запрыгала на месте, непременно хотела начать первой:

— Когда Леннокс к нам пришел, он был очень добр ко мне. Носил меня на закорках, играл: он папа-обезьян, а я малышка. — Леннокс явно смутился. — И я никогда раньше не слышала, чтобы человек мог прорыгать весь алфавит подряд.

Тут все расхохотались, но Ивлин неумолимо продолжала:

— Леннокс всегда веселый, он много шутит, и мне это в нем нравится, потому что он нас веселит. Но однажды Леннокс загрустил. Я заглянула к нему в комнату, а он сидел и плакал. Я спросила его, что случилось. Он смотрел на фотографии, где они с женой занимаются серфингом. Сказал, что скучает по морю. А я ему сказала, что он хотя бы видел море, а я — никогда. Я почти всю жизнь провела тут. И вскоре Леннокс отлучился тайком, а когда вернулся, принес мне ракушку. Он велел мне приложить ее к уху: если мне захочется услышать шум моря, достаточно приложить раковину к уху и прислушаться. Теперь всегда, когда мне становится немножко грустно, я прижимаю раковину к уху, закрываю глаза и прямо тут, в вагончике рядом с мамой, воображаю, будто я перенеслась на пляж, ноги зарыты в песок, волны грохочут, на мне купальник, я уже десяток песочных замков построила, а там, на волнах, — Леннокс с женой. Спасибо тебе, Леннокс, за то, что подарил мне море.

Корделия утерла глаза: ее маленькая дочка, живя постоянно при заводе, была лишена стольких детских впечатлений. Келли тем временем заплодировала, и все присоединились к ней.

Леннокс откашлялся:

— Ох, нелегко мне придется!

И правда, это было не так-то легко, но ничего прекраснее этого я не видела: полная комната людей, рассказывающих о своем товарище столько хорошего, и благодаря этим рассказам я стала понимать Леннокса: да, он все время ерничал и изображал беззаботного придурка, но он был добр. И вот еще о чем я задумалась: у Леннокса, значит, была жена. Где же она? Что с ней произошло? Чем он заслужил Клеймо? Вчерашняя реакция Моны научила меня: такой вопрос не стоит лишний раз задавать. И все же мне очень хотелось знать, каким образом каждый из собравшихся здесь стал Заклейменным, — особенно мне хотелось знать о родителях Кэррика.

Настал момент, когда о Ленноксе высказались все, кроме Кэррика и меня.

— Ну что ж, — подытожил Бахи. — Селестина, ты у нас со вчерашнего дня, так что от тебя панегирика Ленноксу мы не ждем, — тебе еще предстоит освоиться с его очарованием.

Снова общий смех.

— Кэррик никогда не участвует, — шепнула мне Мона, словно он тут пробыл больше двух недель.

— Погодите! — вмешался вдруг Кэррик, и все удивленно смолкли. Он расцепил скрещенные на груди руки и отлепился от стены. Впервые я видела его смущенным — он странно перебирал пальцами.

— Супер, — пробормотала Мона.

Он сердито глянул на нее и запихал руки в карманы.

— Вот что, Леннокс, — заговорил он, стесняясь, глубоким серьезным тоном. — Мы действительно знакомы всего две недели, я мало о тебе знаю. Практически ничего.

— Очень трогательно, — заметил Леннокс, и ему ответили смехом.

— Но мне понадобилась твоя помощь. И ты оказался рядом. Дахи позвонил мне,

действовать надо было срочно. А поскольку лицами этих двух идиотов, — он указал на Фергюса и Лоркана, — оклеен весь город, помочь мог только ты. И ты поехал со мной вместе за той, — он глянул на меня, сердце забилось, бабочки в животе, — кто так важен, — сердце громче, громче, — для дела Заклейменных.

Мона громко цокнула языком.

— И я никогда не смогу как следует отплатить тебе за это.

Я почувствовала, как таю под пристальным взглядом Кэррика, но неисправимый Леннокс вновь убил торжественность момента:

— Возьму наличными.

И снова общий хохот.

— Давайте воздержимся от обсуждения какого бы то ни было «дела», — нервно перебил Бахи. — Нас интересует только одно дело: у нас есть повод для праздника, о котором мы узнали только вчера.

Свет вдруг померк, запели «С днем рожденья тебя». Келли, которая раньше сидела со мной и каким-то образом ускользнула незамеченной, вынесла из кухни огромный торт с восемнадцатью свечками. Вокруг нее скакала, распевая и облизываясь, Ивлин. Доскакав до меня, малышка запрыгнула мне на колени и помогла задуть свечи.

Всего день тому назад я говорила себе, что никогда больше не стану загадывать желания — и вот загадала.

— Большое спасибо вам всем! — сказала я, сияя.

Мне отрезали огромный кусок, куда больше, чем Заклейменным позволено получить раз в неделю, наша единственная «роскошь».

— Тебе нравится? — приставала Ивлин. — Что самое вкусное?

Я засмеялась, скрывая неловкость, присмотрелась к бисквиту, прослоенному светлым кремом.

— Ванильный крем, — сказала я и откусила еще кусок.

Ивлин нахмурилась:

— Но это же лимонный торт.

Щеки у меня вспыхнули, я запихнула в рот еще ложку, лишь бы не отвечать. Краем глаза я видела, что Кэррик внимательно за мной наблюдает.

Келли присела возле меня, обняла за плечи и шепнула на ухо:

— Вкус постепенно вернется, поверь мне.

Прожевывая очередной кусок безвкусного торта, я невольно гадала, за какую ложь наказали мать Кэррика.

Поздно вечером, когда все разошлись, кто спать, кто на ночную смену, Кэррик зашел ко мне. Мона вопросительно подняла брови, но я лишь посмеялась и ушла с Кэрриком. Все не так, как ей видится, — нам просто нужно поговорить, а то Келли все время крутилась рядом с сыном, и, хотя я понимала, почему она так себя ведет, нам это мешало обсудить наши дела. Потом пришлось ждать, пока у Кэррика закончится смена, за этим последовал общий ужин, причем Келли уселась между нами, думая, видимо, что способствует сближению, а на самом деле Кэррик рядом с ней оцепенел и на все отвечал односложно, а я и вовсе от усталости

едва могла говорить.

Эти выматывающие две недели, потом грозный день бегства, и вот теперь я остановилась наконец, адреналин выдохся, все тело ныло, болела голова, мне казалось, лягу спать — просплю целую вечность. Кэррик повел меня на кухню, подальше от спален, закрыл за нами дверь. Мы сели за кухонный стол.

— Дахи что-нибудь узнал о дедушке?

Десятки раз я задавала ему и Ленноксу один и тот же вопрос, не утомилась даже тогда, когда Леннокс окрысился: «Норт, ты славная, но скоро я пришибу тебя как муху».

— Да. Только что. Твои родители ездили к нему. Он в камере предварительного заключения, обращаются с ним хорошо. Его допрашивают и продержат еще сутки по подозрению в помощи Заклейменным. Они пытаются доказать, что он предоставлял своим работникам незаконные льготы.

Облегчение, смешанное с тревогой. Ему не причинили вреда и пока что не сумели предъявить обвинение. И все же.

— Доказательств никаких, иначе обвинение уже выдвинули бы. Они держат его только в надежде выкурить тебя.

Меня передернуло.

— Прости, — заторопился он. — Неудачное выражение. Но есть и хорошая сторона: теперь он понимает, что ты жива, иначе бы его давно отпустили.

— Ты уверен?

— Конечно. Он ведь очень неглуп.

Я улыбнулась:

— Да, это уж верно.

— Итак ... Я тут продумал план, как выбраться из этого дерьма.

— Из какого?

Широким жестом он охватил и кухню вокруг нас, и весь завод.

— Ты хочешь уйти отсюда? — удивилась я.

— А ты нет?

Очень глупо будет ответить, что мне тут нравится? Что впервые я почувствовала себя в безопасности? Здесь, среди огромных стальных сооружений, когда приходится пользоваться электронным пропуском, чтобы открыть любую дверь, и повсюду стоят охранники, чтобы никого постороннего не впускать. Нет, я не ощущаю себя взаперти, наоборот, я воспринимаю это как защиту, словно наконец-то охраняют именно меня.

— Мне здесь спокойно, — призналась я. — А ты нашел родителей — и брата, — ты ведь, наверное, и не знал, что у тебя есть брат? Зачем же уходить от них?

— Селестина, я все понимаю. Но это не настоящая жизнь. Это не настоящая свобода. Бедняжка Ивлин — ей шесть лет, и, с тех пор как она оказалась здесь, она ни разу не бывала за стеной. У нее нет подруг ее возраста — может быть, она и не видела никогда детей своего возраста. А Бахи не хочет, чтобы мы сражались за свободу. Стоит ему хоть слово об этом услышать, он велит молчать, так что тут никогда ничего не изменится.

— Зато я вчера проспала десять часов подряд, — заныла я, и он ласково рассмеялся.

— Со мной тоже так было сначала. Ты же только попала сюда. Скоро сама поймешь.

— Дело не в том, что ты просто хочешь сбежать? — мягко спросила я. — Чтобы сблизиться с родными, нужно время, Кэррик. Пока что нормально, что вы чувствуете себя ... неловко.

— Надо же, заметила! — фыркнул он. — Когда я вышел из интерната, худшее, что я мог сделать, по правилам Трибунала, — это разыскать родителей. Я не думал, что за мной следят. Из всех соучеников я был лучшим, мне казалось, меня ни в чем не подозревают. Думал, я их провел. Думал, они доверяют мне. Теперь-то я знаю: как ни старайся подружиться со стражами, они все равно тебе доверять не будут. Декан навестил меня в замке.

— Помню. — Действительно, к нему в камеру приходил мужчина в хорошем костюме. Тогда я приняла его за адвоката, но ведь Кэррик сам защищал себя на суде.

— Он сказал, что я его предал. Он типа взял меня под крыло. — Кэррик покачал головой. — Я рос на его глазах, он приходил на мои матчи, радовался, когда я блестяще сдавал экзамены. У него у самого есть дети — и все же он не в состоянии понять, зачем мне вздумалось разыскивать родных. А потом мне поставили Клеймо — и после этого я получил свободу, ищи, мол, родителей. Отныне то правило на меня не распространяется. Лихо закручено.

— Да, нелогично, — согласилась я. — А как ты их нашел?

— Мне дали знать. Они перебрались сюда, когда меня арестовали.

— Они тут меньше двух месяцев? — удивилась я.

— А кажется, что гораздо дольше? — подхватил он. — То-то и оно. В этом месте, — он огляделся по сторонам, — время будто останавливается. Люди приходят и остаются навсегда. Тут есть еще Заклейменные, которых ты пока не видела, — мне страшно думать, сколько они тут пробыли.

— Но Лиззи ушла, — вырвалось у меня.

Я все время думала о ней. Одной из причин, по которой друзья считали меня идеалом, пока я не заработала шесть Клейм, — были идеальные оценки, сплошные пятерки, особенно по математике. Так уж у меня голова устроена. Уравнения, теоремы — в них я всегда нахожу смысл. Любую задачу можно решить. Даже если мне подсовывали трудный вопрос, я билась над ним, пока не находила решение. И сейчас со мной примерно то же самое. Что-то не сходилось: имелась задача, и она не могла сама по себе рассосаться, это было незавершенное дело, и оно ждало того, кто им займется. Казалось бы, после всего, что со мной произошло, пора бы измениться, но это не в моих силах. Когда Трибунал приговаривает человека к Клейму, он не властен изменить самого человека — меняется лишь восприятие этого человека другими людьми.

— Лиззи? — переспросил Кэррик, удивившись, что я меняю тему.

— Что ты знаешь о ней?

— Молодая девушка, Заклейменная, она здесь жила и работала. Ушла через несколько дней после того, как я сюда добрался. Жила в одной комнате с Моной, они вроде бы дружили. Я особо не интересовался. Говорят, она призналась парню, что она Заклейменная, и он ее бросил, потому она и ушла. Меня сплетни не интересуют, это больше по части Моны. А что?

— Ты знаешь ее парня?

— С виду только. Такой ботан-компьютерщик. А что?

— Доверять ему можно?

— Селестина! — Он уже начал сердиться. — К чему ты?

— Просто хочу знать. Меня беспокоит, пойми, что с ней случилось. Ты же сам сказал, отсюда не уходят. А она ушла. Исчезла.

— Не думаю, чтобы парень разрубил ее на куски, если ты об этом, — поддразнил он. —

Люди тут по большей части добрые, не о чем волноваться. Думаю, многие догадываются, кто мы такие, могли и Клеймо заметить, но они молчат и в наши дела не лезут.

Он оборвал себя на полуслове, явно хотел что-то добавить.

— Что? — поднажала я. — Скажи.

— Я понимаю, почему ты хочешь остаться. Здесь правда немало хорошего, но сама подумай: чем, по-твоему, ты будешь тут заниматься? — мягко спросил он. — Какая тебя ждет жизнь?

Мне романтически представлялось, как мы с Адамом и Келли будем вместе печь торты. Превратим щетки в коньки и будет радостно скользить по мыльному влажному полу вместе с Моной, мыть по ночам полы, пока все спят. Что-то в духе Пеппи Длинныйчулок. Я могу учить Ивлин математике. Помогать Бахи, тоже надену белый лабораторный халат, обзаведусь очками, вперюсь взглядом в чашки Петри. Еще нужен прибор для ночного видения — дежурить вместе с нашей охраной, высматривать опасность на горизонте. Хотя бы на несколько часов этот завод превратился в мой дом, в мой мир.

Кэррик гнул свое:

— После того как Фергюс и Лоркан засветились в супермаркете, их лица показали во всех новостях. Они в списке разыскиваемых Трибуналом. Теперь они могут работать только в ночную смену, чтобы никто не узнал их при свете дня и не донес. В ночную смену дежурят по большей части Заклейменные. А уж тебя в лицо вся страна знает — может быть, со временем это поуляжется, а может, и нет, и хотя люди тут хорошие, но настолько я бы им доверять не стал. Никто не захочет рисковать собственной жизнью, ведь если Трибунал прознает, что они работали с тобой рядом и не донесли, они все попадут в беду. Так никто рисковать не станет. Придется тебе держаться от всех в стороне — какое-то время.

Последние слова он растянул, давая понять, что это будет очень долгое время.

Пожав плечами, Кэррик добавил:

— И учти: уйти отсюда я хочу не из-за отношений с родителями. Вся причина во мне. Я не согласен на такую жизнь, и ты тоже не должна сдаваться.

Он умолк, давая мне возможность подумать.

Больше всего я хотела снова увидеть родных, у меня сердце болело при одной мысли о них, об оставленном доме, о той жизни, которой я сама себя лишила, — но с той жизнью было покончено, как только меня доставили в замок. Мне представлялось, как мама и папа, Джунипер и Эван будут меня тут навещать. Их можно провозить, спрятав в грузовике, доставляющем продукты, или еще как-то. У нас будут тайные семейные выходные, будем играть в футбол или во что Эван пожелает. Но ведь это пустые мечты. Никогда ни Бахи, ни другие такого не допустят. Кэррик прав: я устала и потому так обрадовалась, оказавшись в безопасности, но безопасность редка и драгоценна, за нее придется сражаться вне этих стен.

— Да, я тоже не согласна на такую жизнь, — кивнула я.

Он просиял:

— Вот и хорошо. Потому что, когда я говорил, что хочу выбраться из этого, я не имел в виду просто уйти с завода. Я хочу, чтобы мы выбрались из этой жизни — Заклейменных. И у меня есть план.

Кэррик подался вперед, дрожа от возбуждения:

— Я подумал насчет того, о чем ты говорила вчера ночью. О Криване, о том, что он пытается завладеть видео. Ты хоть понимаешь, какую это дает тебе власть?

Я тоже подумала: мистер Берри и Пиа Ванг знали о видео, и они исчезли. Одна мысль, что Криван думает, будто видео у меня, наполняла меня страхом: он охотится на меня, и нет смысла сообщать ему, что я понятия не имею, где видео. Я чувствую себя не как человек, обладающий властью, а как самый преследуемый человек на земле.

Кэррик понял, что я с ним не согласна.

— Селестина, с помощью этой съемки ты добьешься, чтобы Клейма *отменили*. Мало того, если все поймут, что Криван вынес неверный приговор один раз, возникнет вопрос: а как часто он ошибался в прошлом? Вся система Трибунала пошатнется.

Сердце резко забилося. Да, в этом что-то есть. Впервые для меня забрезжил свет в конце тоннеля: больше чем месть — спасение. Да, Кэррик меня убедил, стоило бы попробовать, но ...

— В чем дело, Селестина? Ты просто должна этим воспользоваться. Показать видео каждому, кому сумеешь.

У меня его нет.

Скажи ему, Селестина. Скажи ему, что видео у тебя нет. Скажи. Я раскрыла рот. Подумала, как сформулировать. Это ведь просто. *У меня нет съемки. Он только думает, что она у меня. Потому что так сказал тот человек, который якобы передал ее мне.*

Кэррик ждал. Я закрыла рот. Не смогла разрушить его надежды. Он уцепился за этот план, видя в нем единственную возможность исправить все, что с нами случилось. И как знать — а вдруг запись все же у меня. Если я сумею проникнуть в свой дом — она *может* оказаться там. Мысли понеслись вскачь. Возможно ли пробраться в дом так, чтобы стражи не увидели? Или — связаться с родными и попросить их поискать? Сумею ли я это осуществить?

— Ладно, — сказал он, его энергия иссякла, он отступился. — Я слишком много от тебя требую, понятно. Ты только что добралась к нам, устала, а тут я ... И все же, — приободрился он, — я тебя сюда не зря привел. — Он встал, открыл холодильник, выключил свет и положил на пол перед открытым холодильником две подушки. — Садись, пожалуйста, сюда.

Я устала на него в полной растерянности. Тот миг, когда надо было отвечать на его вопрос, миновал, я должна была бы почувствовать облегчение, а мне стало тревожно: зачем я что-то скрываю от него? Надо было сказать.

— Все в порядке, Селестина, честно. Тебе надо все обдумать. А пока что — иди ко мне, садись.

Я села на подушку, единственный свет на кухне — лампочка холодильника.

Он сел напротив.

— У нас будет урок. Готова?

— Да, мастер Уэйн.

Он с трудом скрыл улыбку, и я подумала: как бы он выглядел, если б не сдерживался все время, если б мышцы его лица расслабились и появилась настоящая улыбка, а еще лучше — громкий смех. Как бы преобразилось его лицо?

— Из всех наших чувств едва ли не главное — обоняние. Животные без нюха погибнут. Слепая крыса имеет шанс выжить, но крыса без обоняния не способна ощущать вкус, она не

найдет себе ни партнера, ни пищу.

Я начала соображать, к чему он клонит.

— Твоя мама сказала тебе, что я не смогла распробовать деньрожденный торт.

— Кое-что в это роде, — мягко согласился он.

— И ты сравниваешь меня с крысой! — надулась я.

Уголки его рта дернулись, удерживая улыбку.

— Послушай. Вкус ты на время потеряла, но обоняние при тебе. То, что мы воспринимаем как вкус, на семьдесят процентов зависит от обоняния.

— Я не знала.

Первые недели после Клеймения я почти не могла есть, потому что язык распух, потом с него слезала кожа. Прошел уже месяц, и я по-прежнему не различала вкуса еды. Я уж решила, что до конца жизни так и будет, и тем лучше, потому что в диету Заклейменных вкусоности не входят. Раз уж мне предстоит вечно питаться кашей и бобами, я предпочту не чувствовать их вкуса.

Кэррик продолжал урок:

— Когда ты кладешь еду в рот, молекулы пищи попадают через проход между ртом и носом на рецепторы запаха в назальной пазухе, которая расположена позади переносицы, у входа в мозг.

Я насмешливо пошевелила бровями:

— И какова была на вкус энциклопедия, которую ты проглотил?

— Меня хорошо учили в школе, — саркастически парировал он. — Итак, ты не чувствуешь вкуса, но чувствуешь запах, а еще ты можешь ощущать температуру пищи и ее плотность. Используй все это.

Я закивала.

— Мы в школе проводили опыты. Брали пять предметов — сосновую шишку, палочку корицы, лимон, тряпочку с детской присыпкой и нафталиновый шарик. Вдыхали их запахи по очереди, пока не возникали воспоминания. До восьми лет я ненавидел своих родителей. В интернате меня учили ненависти к ним. Слушая, что нам говорили о Заклейменных — и так и не дождавшись, чтобы они пришли и забрали меня, спасли, — я стал их ненавидеть. А потом нам велели провести этот опыт, и ко мне вернулись воспоминания — хорошие воспоминания, радостные. Тут-то я и призадумался, так ли уж плохи мои родители. Я стал записывать и не мог остановиться: одно воспоминание тянуло за собой другое, а за ним третье, и так далее. Я спешил записывать, боясь, что иначе забуду все, и уже навсегда, я каждый день вносил новые открытия в мой тайный дневник — все, что сумел вспомнить о родителях. Этот дневник я никому не показывал, я его хорошенько спрятал: в том заведении они стараются выведать каждую твою мысль.

Я прямо-таки увидела Мэри Мэй, как она сидит в моей комнате и читает мой дневник, в голову мне пытается залезть.

— После этого эксперимента все для меня переменялось. Я понял: то, что мне говорили о родителях, — неправда.

Мне хотелось обнять его, утешить, сказать, как я жалею его, того маленького мальчика, у которого так рано отняли родителей, но было в Кэррике что-то такое, что каждый раз вынуждало меня остановиться. Очень уж он сдержан, словно окружен силовым полем, как будто стекло, которое разделяло наши камеры в замке, так никуда и не делось. Вот он передо мной — но коснуться его я не могу.

Он откашлялся.

— Нервные окончания есть повсюду — в глазах, в носу, во рту и глотке. Они различают холодок мяты и остроту перца чили. Используй их. Ты же не первая, с кем это случилось.

— С твоей мамой тоже так было после Клейменения? — догадалась я. *Как и почему она солгала?* Хотелось бы мне знать.

— Такое случается не только с Заклейменными. Неспособность различать вкус называется «агевзия».

— Такое реально бывает? — удивилась я.

— Да, бывает.

Меня это обрадовало.

— Итак, вот мешочек для вкуса, — он положил его у наших ног, — а вот мешочек для запаха.

Я рассмеялась.

— Мы возьмем, — он обшарил полки большого холодильника, — драже Бахи.

Я засмеялась еще громче:

— Он держит драже в холодильнике?

— Да, он странный. Потребляет за день больше сладкого, чем Ивлин съест за неделю, и ни с кем не делится — тем приятнее будет ...

Он вытащил пакет драже и велел мне отвернуться.

— Что ты делаешь?

— Давлю драже, чтобы наполнить ароматом мешочек для запаха. Итак. — Из заднего кармана джинсов он вытащил бандану. — Закрой глаза.

Зайдя за спину, он бережно завязал мне глаза. Случайно коснулся пальцем лица, и я почувствовала, как закололо кожу, волоски на руках поднялись дыбом. В прошлый раз глаза мне завязали одноклассники — разыграли жестокую шутку. Раздели меня, осматривали мои шрамы с омерзительным любопытством, точно я чудище, выставленное напоказ в цирке. Тогда мне было страшно, меня это сломило, лишило веры в людей и надежды на новую жизнь. А на этот раз я оставалась совершенно спокойной — и если чуть-чуть волновалась, то это было приятное волнение. Вопреки страху, который объял меня у ворот завода, я теперь совершенно и полностью доверяла Кэррику. Он стал моим надежным партнером. Если мое шестое Клеймо имеет такую силу, как думает Кэррик, то ведь он не воспользовался этим в своих интересах. Он мог бы сам попытаться шантажировать Кревана, но он этого не сделал, он вообще никому не сказал. Он хочет, чтобы приговор сняли с меня.

— Годится. — Он снова зашел спереди. — Теперь попробуй.

— Только не вздумай перца добавить! — рассмеялась я.

Я раскрыла рот и почувствовала на языке драже. Сжала губы, стала старательно жевать. Ничего не почувствовала — другого я и не ожидала. Различала только плотность драже, да и то не угадала бы, что это, если бы Кэррик заранее не сказал.

— Запей водой.

Я сделала глоток через соломинку.

— А теперь понюхай. — Он поднес мешочек к моему носу, и я вдохнула запах раздавленных драже.

— Клубника, — легко угадала я. С обонянием у меня, по крайней мере, все в порядке.

— Теперь пробуй. — Он снова положил мне в рот драже.

Я ожидала почувствовать вкус клубники, но что-то не то.

— Это не клубника! — нахмурилась я.

— Ага! — отозвался он, довольный. — Мы продвигаемся.

— Вот как! — ободрилась я.

— Нюхай.

Я вдохнула.

— Апельсин.

— Теперь пробуй.

Я почувствовала его пальцы на губах и открыла рот. Столько всего обрушилось на меня разом — и эти драже, и все, что происходило между нами, — я с трудом могла сосредоточиться. Каждое чувство было обострено до предела. Я постаралась прислушиваться к ним по очереди. Жевать вдумчиво, втягивая в себя аромат, дожидаясь, пока нервные окончания распознают горький, солоноватый, сладкий или кислый запах. Я узнала вкус — такой же, как в прошлый раз. С горчинкой.

— Апельсин.

— Да! — Он был счастлив. — Еще разок.

Кэррик упорен, он умеет добиваться своего. Мы повторяли опыт снова и снова, пока я не научилась пользоваться обонянием. Он перебрал почти все, что нашел в холодильнике, и в итоге я научилась определять вкус, не вдыхая сначала аромат из мешочка.

— Итак, последнее.

Он положил мне в рот драже, и я сосредоточилась, сосредоточилась изо всех сил. Кэррик говорил, что вкусовые бугорки есть и в гортани, — этого я раньше не знала. И я могу принюхиваться, пока жую. Чувствую себя животным: вся погружена в еду, нюхаю и ем в полной темноте, главное для меня — запах, и я ищу другие подсказки.

— Мята? — попыталась я угадать.

— Идеально!

Я улыбнулась. Давненько я не слышала этого слова — и не к чему было его приложить.

У нас с Артом ни разу не было секса. Мы встречались полгода и были уже на грани, но не успели — а когда меня заклеямили, это изменило нашу жизнь, нас обоих. За несколько дней до того, как я бежала, он признался, что любил меня, — не в том, что любит *сейчас*, а в том, что любил *раньше*. Несколько секунд я ликовала, а потом осознала разницу, и тогда что-то во мне умерло.

Наедине мы исследовали тела друг друга, но застенчиво, неуклюже. С Кэрриком все иначе. Он разбил то прозрачное, разделявшее нас стекло — как только начал эксперимент с запахами и вкусами. Я ощущала такую близость к нему, и мы, наши тела, столько уже пережили вместе, что это крепко связало нас. Телесно мы соединены неразрывно, хотя вовсе не этого добивался Крewan, уродуя нас, желая сделать наш облик отталкивающим, угрожающим, чтобы никто не пожелал иметь дело с Заклейменными. Так он сам и сказал, вынося приговор: Клеймо на язык, чтобы каждый, кто заговорит со мной или захочет поцеловать, понял, что я — лгунья. Мне врезалось в память, как это Клеймо отпугнуло Арта, даже если он сам не заметил невольного своего движения. Но с Кэрриком я чувствую себя совсем не так, как хотел бы Крewan: оказывается, наказанные им люди могут обрести

утешение и гармонию друг в друге.

Я не знала, где теперь Арт, вернулся ли он к отцу или сбежал от него. Один раз я задала бабушке этот вопрос, но он сразу же меня одернул — нет, он не был жесток, он, я так понимаю, просто не желал отступать от реальности. «Зачем тебе знать, где этот парень?» — спросил он. «Ну, просто», — пробормотала я бессвязно, мне стыдно было обсуждать свои чувства с дедом, тем более что поклонником Криванов он никогда не был.

Дед бросил работу и смерил меня суровым взглядом. «Он про тебя забыл, детка, и советую тебе брать с него пример».

Больше я его не спрашивала.

Я сняла с глаз повязку и встретила с взглядом Кэррика — внимательным, в упор. Свет из холодильника отражался в его черных зрачках, словно глаза у него кошачьи.

Он удивился, когда я потянулась к нему и стала расстегивать верхние пуговицы хлопчатой рубашки. Три пуговицы, пока пониже загорелой шеи не обнаружила более бледную кожу, скрытую воротником. А вот и Клеймо, шраму всего месяц, он все еще красный, свежий, как у меня, постепенно заживает, понемногу тело привыкает к нему.

Дыхание Кэррика стало медленным, глубоким, я видела, как вздымается и опадает его грудь. Он переводил взгляд, чуть ли не с тревогой, с моего лица на пальцы, остановившиеся в воздухе в нескольких миллиметрах над шрамом. Потом я прижала пальцы к его коже, обвела указательным пальцем знак П, прошла по дуге круга, в который заключена эта буква. Я слышала, как под моими пальцами бьется его сердце. Это Клеймо означало измену обществу, неповиновение Трибуналу: отучившись тринадцать лет в интернате, где его старались очистить от родительских пороков, он все же отправился искать свою семью. Повернулся спиной к Трибуналу. И эта его измена означала верность добру и справедливости, всему, что честно и подобает человеку.

Я придвинулась ближе, прижала губы к шраму, услышала, как Кэррик выдохнул. Я подняла глаза, проверяя, не причинила ли ему боль, но его веки были сомкнуты, а ладонь словно сама собой коснулась моих волос, правого виска. Он потер подушечкой большого пальца мой висок. Мой шрам.

«За ошибку в суждении — на правом виске». Я услышала голос Кривана, грохотавший на весь зал суда, так отчетливо, словно он был в кухне рядом с нами. Кэррик поднял мою правую руку, теперь его большой палец описывал круг на моей ладони. «Вы обворовали общество, и Клеймо будет выжжено на вашей правой руке. Всякий раз, когда вы протянете руку порядочному члену общества, чтобы поздороваться, он распознает в вас воровку».

Он поцеловал мою ладонь — нежно, бережно.

Потом захлопнул дверцу холодильника, и мы оказались в темноте.

— Кэррик! — шепнула я.

— Потает же.

Я усмехнулась, потом, не выдержав, расхохоталась.

— Пошли ко мне, — шепнул он.

— Где Леннокс? — спросила я, войдя в спальный отсек и учуяв мужской запах — тут уж не ошибешься.

Кэррик ногой зачихнул кучу грязной одежды под кровать. Я притворилась, будто ничего не заметила.

— Тут его нет.

Я рассмеялась.

Спальня Кэррика была обустроена в точности как наша с Моной, только беспорядку больше. Кэррик присел на двойную кровать.

— Поверить не могу, что ты здесь.

— Мне следовало поупрямиться? — поддразнила я.

— В смысле — верить не могу, что сумел тебя найти. Я обещал тебе в замке, но это оказалось труднее, чем я думал. За тобой следили в оба. И я хотел увидеться с родителями, ясное дело, хотел, но теперь ... Теперь, когда ты с нами, пора уходить отсюда. Пора нам наконец! — повторил он возбужденно.

— Нам — это кому именно?

— Ты и я, и с нами Фергюс, Лоркан, Леннокс. Может быть, и Мона присоединится. С родителями я это не обсуждал. У Бахи начинается истерика, если кто-то заспорит, какую телепрограмму смотреть, уж не говоря о движении Заклейменных.

— Значит, ты да я да Фергюс, Лоркан и Леннокс спасем мир, так?

— Не мир. Но хотя бы страну. А чтобы изменилась страна, достаточно изменить кое-какие настроения.

В изумлении я уставилась на него.

— Селестина. — Он взял меня за руки и усадил рядом с собой на кровать. — В глазах большинства людей Креван всемогущ. Он контролирует Трибунал, а Трибунал научился манипулировать правительством — может быть, потому, что прежних чиновников почти всех заклеямили, а новые живут в страхе перед монстром, которого сами и породили. Народ пока поддерживает Кревана, но *ведь не все и каждый*. Ты привлекла внимание даже тех людей, кто раньше ничего не желал слушать. Я сразу понял, что ты — особенная. А теперь я знаю, что у тебя есть на него управа.

Шестое Клеймо. И видеосъемка, показывающая, как это произошло. Я почувствовала стеснение в груди — надо признаться Кэррику, что записи у меня нет.

— Эта съемка обличит Кревана. Он лишится доверия, лишится власти. Ты в силах принудить его отменить приговор. Ты же сама понимаешь. И, если доказать, что с тобой он допустил ошибку, возникнет вопрос, сколько еще ошибок он допустил. Вся система окажется под сомнением. И тогда у нас есть шанс обрести свободу. Но ключ к этому — у тебя в руках.

— И это все? — переспросила я в страхе. — Я вот так просто заставлю Кревана передумать?

— Это в твоих силах, Селестина, — повторил он негромко.

— Но у меня нет больше сил, Кэррик! — в отчаянии призналась я и почти упала на кровать рядом с ним. — Я не могу больше!

Только это и сумела я выговорить, потому что горло перехватили слезы, усталость одолела меня. Кэррик осторожно отвел мои руки от лица, подтянул меня к себе. Я уронила голову ему на грудь, рубашка его так и оставалась расстегнутой, мои слезы капали на его шрам. Он дал мне минутку выплакаться, сидел неподвижно и обнимал меня. Потом заговорил:

— Знаешь, какая мысль помогает мне, когда кажется, будто я с чем-то не справлюсь?

— Представляешь себе розы под дождем? — прохныкала я.

Он не засмеялся в ответ. Такого поди рассмеши.

— Нет, я думаю о тебе.

Я даже отодвинулась немного — не ожидала.

— Вспоминаю, как ты вела себя в автобусе, на суде и в камере, — тихо продолжал он, давая нам обоим возможность все вспомнить. — Самый храбрый, самый сильный человек, какого я видел в жизни. Ты — мое вдохновение, Селестина. Каждый раз, когда мне кажется, что я не справлюсь, что выхода нет, я думаю о тебе. Нет другой, похожей на тебя. Такой отважной, такой чертовски упрямой. А теперь у тебя в руках власть. Ты словно Супермен, а Криван — Лекс Лютор.

Я засмеялась сквозь страх и печаль:

— Жутковатое сравнение.

Он смутился:

— Я же с тобой всерьез говорю!

— Ох!

— Там, в камере, я увидел, какой потрясающей силой ты обладаешь. Сам я, попав туда, был напуган до ужаса. А потом стал думать о тебе — все время только о тебе. Хотел быть храбрым, как ты. И я не вскрикнул, когда меня клеймили, — как ты. Я рассказывал Лоркану, Фергюсу и Ленноксу о тебе, что в тебе есть ... *что-то*, нужно только подождать, и они убедятся. Даже если ты сама не сознаешь этого, Селестина, оно пробуждается в тебе, когда ты этого совсем не ждешь, когда наступает время.

— Они будут здорово разочарованы, если ты посулил им Супермена.

— Они уже поверили мне. Они видели, как ты повела себя в супермаркете, дала отпор тому полицейскому. Только они пока не знают про ...

— Ш-ш. — Я приложила палец к его губам.

[Купить полную версию книги](#)

notes

«Кумбайя» — духовная песня, особенно популярная в 1960-х годах. Традиционно исполнялась у костра скаутами.